

Фредерик
Кемп

БЕРЛИН

1961

КЕННЕДИ, ХРУЩЕВ И САМОЕ
ОПАСНОЕ МЕСТО НА ЗЕМЛЕ

Фредерик Кемп

**Берлин 1961. Кеннеди, Хрущев
и самое опасное место на Земле**

«Центрполиграф»

2011

Кемп Ф.

Берлин 1961. Кеннеди, Хрущев и самое опасное место на Земле /
Ф. Кемп — «Центрполиграф», 2011

Президент Атлантического совета внешнеполитических исследований США, журналист-политолог, Фредерик Кемп посвятил свою книгу одному из самых напряженных моментов холодной войны в Центральной Европе. Автор использовал свидетельства участников Берлинского кризиса, поднял и проанализировал огромное количество материалов из американских, немецких и советских архивов, и реконструировал до мельчайших деталей события, предшествующие возведению Берлинской стены в августе 1961 года. Изучая причины, развитие и разрешение берлинского вопроса, Кемп представил яркие портреты четырех главных героев политической драмы: Хрущева, Кеннеди, Ульбрихта и Аденауэра. Всех их в течение 1961 года объединяет Берлин – средоточие их главных стремлений и страхов.

© Кемп Ф., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Контрольно-пропускной пункт «Чарли», Берлин	8
Часть первая	14
Глава 1	14
Кремль, Москва	14
Глава 2	23
Дворец спорта, Москва	23
Кабинет Хрущева в Кремле, Москва,	27
Визит Хрущева в Соединенные Штаты	28
Свердловск, Советский Союз	31
На борту «Балтики»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Фредерик Кемп
Берлин 1961. Кеннеди, Хрущев
и самое опасное место на Земле

Посвящается Полине

Copyright © 2011 by Frederick Kemp

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Предисловие

Историки более пристально изучают Карибский кризис 1962 года, чем предшествовавший ему Берлинский кризис 1961 года. Однако при всем внимании, отданном Кубе, то, что случилось в Берлине, было даже более решающим при формировании эры между окончанием Второй мировой войны в 1945 году и объединением Германии и распадом Советского Союза в 1990 и 1991 годах. Появление Берлинской стены в 1961 году закрепило холодную войну, стало символом взаимной враждебности, которая длилась три десятилетия, окружив нас привычками, нормами и подозрениями, которые рухнули вместе с этой стеной 9 ноября 1989 года.

Кроме того, первый кризис отличался особой напряженностью. По словам Уильяма Кауфмана, стратега в администрации Кеннеди, работавшего и в Берлине, и на Кубе, «Берлин был наихудшим моментом холодной войны. Лично я считаю, хотя был глубоко вовлечен в Карибский кризис, что более опасной была берлинская конфронтация, особенно после возведения стены, когда советские и американские танки стояли друг напротив друга. В середине недельного Карибского кризиса мы видели явные признаки того, что на самом деле русские не собираются подталкивать нас к краю. В Берлине не было этого чувства».

Вклад Фреда Кемпа в глубокое понимание нами того времени состоит в том, что он соединил умение рассказывать истории, присущее журналисту, с аналитическими способностями политолога и, как историк, использовал рассекреченные американские, советские и немецкие документы, дав удивительную возможность понять, какие силы и люди стояли за строительством Берлинской стены – канонического барьера, ставшего олицетворением холодной войны.

История, к сожалению, не раскрывает альтернативы. Однако важная книга Кемпа заставляет читателя задуматься над решающими вопросами, связанными с Берлинским кризисом, который выявил значительные проблемы в президентском руководстве Америкой.

Могли бы мы раньше закончить холодную войну, если бы президент Джон Ф. Кеннеди иначе построил свои отношения с Никитой Хрущевым? Сразу же по приходе Кеннеди к власти Хрущев освободил американских летчиков, опубликовал без купюр инаугурационную речь Кеннеди в советских газетах и ослабил глушение радиостанций «Свободная Европа» / Радио «Свобода». Что, если бы Кеннеди более тщательно разобрался в том, что скрывается за примирительными жестами Хрущева? Если бы иначе повел себя на встрече с Хрущевым в Вене в июне 1961 года? Вполне вероятно, советский лидер не стал бы спустя два месяца закрывать берлинскую границу.

Или, как считают некоторые: возможно, мы должны расценивать уступку Кеннеди в отношении строительства коммунистами стены в августе 1961 года как лучшую из неудачных альтернатив в опасном мире? Кеннеди замечательно сказал, что предпочитает стену войне, – и он должен был сделать выбор.

Не такие уж простые вопросы.

Еще один вопрос, поднятый в захватывающем повествовании Кемпа: станем ли мы шире изучать холодную войну, чем делаем это сейчас? Холодная война была не только препятствием для стремления Советского Союза к мировому господству; ряд неправильных пониманий другой стороной способствовал усилению холодной войны. Остается только задаваться вопросом, удалось бы нам достигнуть более позитивных результатов, учитывая неправильно истолкованные действия и недоразумения, которые возникали в Берлине в 1961 году между Соединенными Штатами и Советским Союзом, если бы мы лучше понимали внутренние, экономические, политические и другие процессы, оказывавшие влияние на поведение нашего соперника.

Никто не может ответить на эти вопросы с какой-либо долей уверенности. Эти вопросы, поднятые в контексте этой книги, имеют такое же значение для управления будущим, как для

понимания прошлого. Подсказки и предостережения на этих страницах очень вовремя подошли к первому сроку молодого и относительно неопытного главнокомандующего, президента Барака Обамы, который, как Кеннеди, вступил в Белый дом с желанием лучше понять наших противников и то, что стоит за, казалось бы, неразрешимыми конфликтами, чтобы найти способ их разрешения.

Я сам имел дело с такими вопросами и проблемами, общаясь с советским лидером Михаилом Горбачевым, когда был советником по вопросам национальной безопасности при президенте Джордже Герберте Уокере Буше.

Два президента Соединенных Штатов, имевшие дело с Горбачевым, Буш и Рональд Рейган, были абсолютно разными людьми. Однако оба понимали, что, пытаясь закончить холодную войну, важнее всего выбрать способ, с помощью которого они могли вовлечь в этот процесс своего советского коллегу.

Несмотря на то что Советский Союз называли «империей зла», Рейган принимал участие в пяти саммитах с Горбачевым и предпринимал массу усилий по созданию доверительных отношений между двумя странами. Берлинская стена пала в 1989 году, и мы работали над тем, чтобы Германия стала единой; президент Буш не поддавался искушению и не стал злорадствовать или бить себя в грудь. Он методично посылал сообщения Горбачеву, что обе стороны окажутся в выигрыше, если закончится холодная война. Кроме того, он не давал никакого повода противникам Горбачева в Политбюро изменить политический курс и снять его с должности.

Можно только рассуждать о том, изменила бы историю в Берлине 1961 года более жесткая или более примирительная политика Кеннеди. Бесспорно то, что события 1961 года отправили в глубокую заморозку холодную войну в тот момент, когда разрыв Хрущева со сталинизмом впервые предоставил нам возможность растопить лед в наших отношениях.

«Берлин 1961» ведет нас через события того времени в поисках новых путей, исследуя природу двух ведущих стран, США и СССР; внутреннее политическое устройство каждой; важную роль, которую сыграли личные качества их лидеров, и сплетает это в одинаково важные рассказы о том, как эти факторы отразились на Западной и Восточной Германии.

Эта захватывающая, заставляющая задуматься книга рассказала о драматичном времени и бросила вызов расхожему мнению относительно самых решающих лет холодной войны.

Генерал Брент Скоукрофт

Введение

Самое опасное место в мире

Кто владеет Берлином, тот владеет Германией, кто контролирует Германию, тот контролирует Европу.
Владимир Ленин, цитируя Карла Маркса

Берлин – самое опасное место в мире. Советский Союз хочет провести хирургическую операцию по вскрытию нарыва – уничтожить этот источник зла, эту язву.

Премьер Хрущев президенту Кеннеди на Венском саммите 4 июня 1961 года

Контрольно-пропускной пункт «Чарли», Берлин

21:00, пятница, 27 октября 1961 года

В холодной войне не было более опасного момента.

Не испугавшись мрачной, опасной ночи, берлинцы собрались в узких переулках, выходящих к контрольно-пропускному пункту «Чарли». По оценкам вышедших на следующий день газет, их было приблизительно пятьсот, большая толпа людей, возможно решивших, что они станут свидетелями первых выстрелов термоядерной войны. После шести дней нарастания напряженности сошлись лоб в лоб американские танки М-48 «Паттон» и советские танки Т-54 – по десять с каждой стороны и примерно еще две дюжины неподалеку.

Люди, вооруженные только зонтами и плащами от дождя, перемещались в поисках лучших точек обзора, чтобы видеть пересечение трех улиц – Фридрихштрассе, Мауэрштрассе и Циммерштрассе, где находился главный пропускной пункт между Западным и Восточным Берлином. Некоторые стояли на крышах. Некоторые, в том числе фотографы и репортеры, смотрели из окон невысоких домов, сохранивших следы военных бомбардировок.

Ведя репортаж с места событий, корреспондент Си-би-эс Даниэль Шорр драматическим баритоном сообщил радиослушателям, что «сегодня вечером холодная война приобрела новый размах, когда впервые в истории встали друг против друга американские и русские солдаты. До сих пор конфликт Запад – Восток велся через представителей – немецких и других. Но этим вечером столкновение сверхдержав произошло в виде стоявших друг против друга на расстоянии менее ста метров десяти русских танков и десяти американских «паттонов»...».

Ситуация была настолько напряженной, что, когда американский армейский вертолет спустился довольно низко, чтобы рассмотреть поле битвы, восточногерманский полицейский в панике рявкнул: «Ложись!» – и послушная команде толпа упала лицом в землю. Были моменты, когда царил странное спокойствие. «Американские солдаты стояли рядом со своими танками, ели из котелков, а жители Западного Берлина, собравшиеся позади заградительных барьеров, покупали у уличных торговцев сухие крендельки, посыпанные солью. Эту сцену ярко освещали мощные прожекторы с восточной стороны, а советские танки, стоявшие на неосвещенной части сцены, были почти невидимы».

Распространился слух, что в Берлине начнется война. Es geht los um drei Uhr («Она начнется утром, в три часа»). Радиостанция Западного Берлина сообщила, что генерал в отставке Люсиус Клей, новый чрезвычайный представитель президента Кеннеди в Берлине, с важным видом, как герой из голливудского фильма, двинулся к границе, чтобы лично отдать приказ

начать стрельбу. Затем прошел слух, что командир американской военной полиции застрелил восточногерманского коллегу на контрольно-пропускном пункте «Чарли», и теперь обеим сторонам не терпится открыть огонь. Рассказывали, что все советские подразделения движутся к Берлину, чтобы раз и навсегда покончить со свободой в этом городе. Берлинцы плодили слухи, один невероятнее другого. Учитывая, что большинство из них уже пережили одну, а кто-то и две мировых войны, они считали себя вправе судить о том, что может произойти.

Генерал Клей, руководивший воздушным мостом в 1948 году, спасший Западный Берлин от трехсотдневной советской блокады, сам неделей раньше создал нынешнюю конфронтацию из-за вопроса, который, по мнению большинства его начальников в Вашингтоне, не требовал военного разрешения. В нарушение установленных четырьмя державами процедур восточногерманская пограничная полиция стала требовать, чтобы гражданские представители союзников предъявляли удостоверения личности перед входом в советскую зону. Раньше пропуском в зону служили номерные знаки американских машин – этого считалось вполне достаточно.

Знавший по собственному опыту, что Советы постепенно отобрали бы права у Запада, если бы не встречали сопротивления даже по самому мелкому вопросу, Клей отказался выполнять новое требование и приказал, чтобы военные эскорты сопровождали гражданские машины при пересечении границы. Машины гражданских лиц в окружении солдат с винтовками с примкнутыми штыками, при поддержке танков, проезжали через зигзагообразные бетонные барьеры контрольно-пропускного пункта.

Поначалу жесткая позиция Клея оправдала себя: восточногерманские пограничники отступили. Однако Хрущев приказал отправить к границе такое же количество танков, как у американцев, и подготовить на случай необходимости резерв. Он распорядился закрасить опознавательные знаки на советских танках и выдать экипажам черную униформу, однако попытка сохранить инкогнито оказалась безуспешной. В тот день, когда советские танки подошли к контрольно-пропускному пункту «Чарли», они превратили незначительный пограничный конфликт американцев с восточными немцами в войну нервов двух самых могущественных государств в мире. Американский и советский командующие, руководившие из оперативных центров, расположенных на противоположных сторонах Берлина, обдумывали следующие шаги, с тревогой ожидая приказов от президента Джона Ф. Кеннеди и председателя Совета Министров СССР Никиты Хрущева.

В то время как лидеры в Москве и Вашингтоне обдумывали, что предпринять, американские танкисты под командованием майора Томаса Тири с тревогой разглядывали своих противников, находящихся по другую сторону самой известной в мире границы, разделившей Запад и Восток. Всего два с половиной месяца назад во время драматичной ночной операции 13 августа 1961 года восточногерманские войска и полиция устанавливали первые заграждения из колючей проволоки и караульные посты вокруг Западного Берлина, чтобы остановить поток беженцев, ставивший под угрозу существование ГДР как государства.

С тех пор коммунисты укрепили границу с помощью бетонных блоков, минометов, танковых ловушек, сторожевых вышек и служебных собак. То, что мир узнал как Берлинскую стену, описал радиожурналист Норман Гельб как «самое удивительное, самое бесцеремонное городское сооружение за все время... которое ползло по городу подобно фоню, на котором разворачивался кошмар». Журналисты, фотокорреспонденты, политические лидеры, начальники разведывательных служб, генералы и туристы хлынули в Берлин, чтобы увидеть, как фигуральный «железный занавес» Уинстона Черчилля материализуется в своем физическом воплощении – Берлинской стене.

Всем было ясно, что танковое противостояние на контрольно-пропускном пункте «Чарли» – не военные учения. Тири проследил, чтобы солдаты зарядили танковые орудия боевыми снарядами. Кроме того, солдаты Тири установили на некоторые танки навесное бульдозерное оборудование. Танкисты готовились привести в действие план Клея, который заклю-

чался в следующем: танки с навесным бульдозерным оборудованием на законном основании въезжают в Восточную Германию, что формально закреплено четырехсторонними соглашениями, а на обратном пути проламывают часть стены.

Американские механики-водители, чтобы согреться и снять нервное напряжение, запустили двигатели. Пространство заполнил оглушительный рев. Однако малочисленный союзнический контингент – 12 тысяч солдат, из них 6500 американских – не имел шансов в обычном конфликте против приблизительно 350 тысяч советских солдат, находившихся в пределах досягаемости. Солдаты Тири понимали, что совсем немного отделяет их от всеобщей войны, которая может стать ядерной быстрее, чем удасться сказать «ауф-видерзейн».

Корреспондент агентства Рейтер Келлетт-Лонг, примчавшийся к контрольно-пропускному пункту «Чарли», чтобы первым передать сообщение о танковом противостоянии, испытал волнение, когда увидел, как американский солдат заряжает пулемет, установленный на одном из танков. «У него может дрогнуть рука, пулемет выстрелит, и этот солдат начнет третью мировую войну», – подумал Келлетт-Лонг.

В 18:00 в Вашингтоне – в Берлине была полночь – советники Кеннеди по вопросам национальной безопасности собрались на экстренное совещание в Зале Кабинета¹ в Белом доме.

Ситуация выходила из-под контроля, и президент пребывал в крайне возбужденном состоянии. Только на этой неделе стратеги закончили составление подробных планов нанесения упреждающего удара по Советскому Союзу в случае непредвиденных обстоятельств, в соответствии с которым противник лишался возможности нанести ответный удар. Президент еще не утвердил планы, продолжая забрасывать своих экспертов каверзными вопросами. Сценарии конца света повлияли на настроение президента, когда он сидел с советником по вопросам национальной безопасности Банди, государственным секретарем Дином Раском, министром обороны Робертом Макнамарой, председателем Объединенного комитета начальников штабов генералом Лайманом Лемницером и другими высокопоставленными американскими чиновниками.

Из зала заседаний они позвонили по закрытой линии генералу Клею в Берлин. Клею сказали, что на линии Банди, который хочет поговорить с ним, поэтому генерал очень удивился, когда услышал голос Кеннеди.

«Здравствуйте, господин президент», – громко сказал Клей, резким взмахом руки заставив замолчать тех, кто находился вместе с ним в центре управления.

«Как дела?» – спросил Кеннеди спокойным голосом.

Все под контролем, ответил Клей. «У нас десять танков на контрольно-пропускном пункте «Чарли», у русских тоже десять танков. Теперь мы сравнялись».

В это время помощник передал генералу Клею записку.

«Господин президент, ситуация изменилась. Мне только что сказали, что русские подогнали еще двадцать танков, ровно столько, сколько у нас есть в Берлине. Так что мы направим к «Чарли» оставшиеся двадцать танков. Не волнуйтесь, господин президент. У нас одинаковое количество танков. Это лишний раз доказывает, что они ничего не собираются делать», – сказал Клей.

Президент умел считать. Если Советы продолжают направлять танки к КПП, Клею будет нечем ответить и, значит, силы будут неравными. Кеннеди оглядел тревожные лица своих советников, которые испугались, что дело выходит из-под контроля. Президент положил ноги на стол, пытаясь этим показать, что сохраняет спокойствие.

«Ладно, ничего страшного. Не теряйте самообладания», – сказал Кеннеди Клею.

¹ Зал Кабинета, в котором проходят заседания кабинета министров Соединенных Штатов, расположен в западном крыле Белого дома. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

«Господин президент, – ответил Клей с присущей ему прямоотой, – с нервами у нас все в порядке. Нас больше волнует, как с нервами у ваших советников в Вашингтоне».

Прошло полвека с возведения Берлинской стены, появившейся в середине первого года президентства Кеннеди, но только сейчас мы получили доступ к личной переписке, рассказам и недавно рассекреченным документам в США, Германии и России, дающим возможность более уверенно рассказать о силах, сформировавших исторические события в 1961 году. Эта повесть подобна большинству эпических драм о времени (календарный год), месте (Берлин и мировые столицы, повлиявшие на его судьбу) и, главное, о людях.

И немного об отношениях между двумя масштабными личностями своего времени, столь непохожими во всех проявлениях, преследовавшими разные цели, Джоном Ф. Кеннеди и Никитой Хрущевым.

Кеннеди вышел на мировую арену в январе 1961 года после победы, одержанной самым незначительным большинством с 1916 года, придя на смену президенту-республиканцу Дуайту Дэвиду Эйзенхауэру, который был у власти два срока и которого Кеннеди обвинил в том, что он позволил советским коммунистам приблизиться к США в военном и экономическом отношении. Кеннеди был самым молодым президентом в истории Соединенных Штатов, сорокатрехлетний сын мультимиллионера, выдвинутый своим чрезвычайно амбициозным отцом, любимый старший сын которого, Джозеф-младший, погиб на войне. Новый президент, красивый, харизматичный мужчина, блестящий оратор, страдал многими болезнями, от болезни Аддисона до радикулита и постоянных болей в позвоночнике. Хотя Кеннеди выглядел уверенным в себе человеком, на самом деле он совершенно не понимал, как вести себя с Советами. Он хотел быть великим президентом, таким как Авраам Линкольн и Франклин Делано Рузвельт, но его волновало, что именно война дала шанс Линкольну и Рузвельту занять свое место в истории. Он понимал, что в 1960-х годах война будет ядерной.

Зачастую первый год президентства может быть весьма опасным, даже для более опытного президента, чем был Кеннеди, поскольку все проблемы находящегося в сложном положении мира переходят от старой администрации к новой. В течение первых пяти месяцев нахождения у власти Кеннеди вынес несколько ударов, которые сам же и инициировал, от неправильных действий в заливе Свиней до Венского саммита, где, по его собственным словам, Хрущев отколошматил его и держался с ним грубо. Однако нигде ставки не были выше, чем в Берлине, главной арене состязания между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Хрущев отличался от Кеннеди и темпераментом, и воспитанием. Шестидесятилетний внук крепостного крестьянина и сын шахтера был импульсивен там, где Кеннеди проявлял нерешительность, и высокопарен там, где Кеннеди был сдержанным. Его настроение менялось от глубоко сидевшей в нем неуверенности человека, обучившегося грамоте только в двадцать лет, до самоуверенности человека, который, несмотря на все препятствия, расчистил себе путь к власти, не гнушаясь никакими методами. В 1961 году Хрущев, замешанный в преступлениях своего наставника Иосифа Сталина и отрекшийся от Сталина после его смерти, колебался между интуицией, говорившей о необходимости реформ и улучшения отношений с Западом, и привычкой к авторитаризму и конфронтации. Он был убежден, что сможет наилучшим образом продвигать интересы Советского Союза путем мирного сосуществования и соревнования с Западом, и в то же время испытывал сильное давление тех, кто стремился к обострению отношений с Вашингтоном, и тех, кто требовал любым путем остановить отток беженцев, который мог привести к уничтожению Восточной Германии.

За период, прошедший с основания восточногерманского государства в 1949 году до 1961 года, страну покинуло 2,8 миллиона человек. С учетом тех, кто сбежал из советской зоны оккупации в период с 1945 по 1949 год, эта цифра приближалась к 4 миллионам. В результате массового бегства страна лишилась самых талантливых и энергичных людей.

Кроме того, 1961 год начался для Хрущева с гонки со временем за собственное спасение. В октябре должен был состояться решающий съезд коммунистической партии, и у него были все причины бояться, что противники свергнут его, если он к тому времени не сможет должным образом уладить берлинский вопрос. Когда на встрече в Вене Хрущев сказал Кеннеди, что Берлин является «самым опасным местом в мире», он имел в виду, что там скорее, чем где-либо, может вспыхнуть ядерная война. Хрущев понимал, что, если он не сумеет грамотно решить берлинский вопрос, соперники в Москве уничтожат его.

Соревнование между Хрущевым и Кеннеди при поддержке главных немецких деятелей было таким же напряженным, как неравная борьба между восточногерманским лидером Вальтером Ульбрихтом со слабеющей страной с населением 17 миллионов человек и западногерманским канцлером Конрадом Аденауэром со стремительно набирающей экономической мощью страной с населением 60 миллионов человек.

Для Ульбрихта этот год имел даже более важное значение, чем для Кеннеди и Хрущева. Так называемая Германская Демократическая Республика, как официально именовалась Восточная Германия, была делом его жизни, и в свои шестьдесят семь лет он понимал, что она неуклонно движется к экономическому и политическому краху, а спасти ее может только радикальное средство. Чем сильнее была опасность, тем энергичнее он интриговал, чтобы предотвратить ее. Кремль боялся, что крах Восточной Германии отзовется на Советской империи, и Ульбрихт, пользуясь этим, усиливал давление на Москву пропорционально растущей нестабильности своей страны.

Первый и единственный канцлер Западной Германии, Конрад Аденауэр в свои восемьдесят пять лет одновременно вел войну против собственной смерти и своего политического противника Вилли Брандта, бургомистра Западного Берлина. На сентябрьских выборах главным противником Аденауэра была социал-демократическая партия Брандта, стремившаяся взять в свои руки управление страной. Однако Аденауэр считал, что наибольшую угрозу для его свободной, демократической Западной Германии представляет сам президент Кеннеди.

К 1961 году Аденауэр, казалось бы, обеспечил себе место в истории, поскольку возродил Западную Германию, подобно фениксу, из пепла Третьего рейха. Тем не менее Кеннеди считал, что не стоит тратить силы на того, на кого слишком полагались его предшественники из-за более тесных отношений с Москвой. Аденауэр, в свою очередь, опасался, что у Кеннеди не хватит силы воли и мужества, чтобы противостоять Советам в этот, как он считал, решающий год.

Книга «Берлин 1961» состоит из трех частей.

Первая часть, «Игроки», представляет четырех главных героев: Хрущева, Кеннеди, Ульбрихта и Аденауэра, всех их в течение года объединяет Берлин, который играет главную роль в их стремлениях и страхах. Первые главы рассказывают об их стремлении к соперничеству и событиях, которые готовят почву для последующей драмы. Проведя первую ночь в бывшей спальне Линкольна, Кеннеди наутро узнает, что Хрущев освободил двух американских летчиков, сидевших в советской тюрьме, и с этого момента обман и непонимание со стороны обоих лидеров составляют основу сюжета. Тем временем Ульбрихт пытается заставить Хрущева принять крутые меры в Берлине, а Аденауэр ведет переговоры с новым американским президентом, которому не доверяет.

Во второй части, «Собирается буря», Кеннеди спотыкается, предприняв неудачную попытку свергнуть Кастро, и видит возможность восстановить утраченные позиции путем наращивания вооружения и переговоров с Хрущевым. Растущий поток беженцев из Восточной Германии заставляет Ульбрихта с удвоенной энергией добиваться закрытия берлинской границы. Во время венской встречи отличавшийся непостоянством Хрущев, то обхаживая Кеннеди, то подвергая его резкой критике, выдвигает новый ультиматум и сетует, что противник

продемонстрировал слабость. Собственные ошибки приводят Кеннеди в уныние, и он пытается найти способ доказать Хрущеву, что тот ошибается в оценке американского президента.

«Проба сил» – третья и последняя часть книги. В ней рассказывается о крайнем возбуждении в Вашингтоне и решениях в Москве, которые приводят к невероятной ночной операции по закрытию границы 13 августа и ее драматическим последствиям. Кеннеди чувствует облегчение и надеется, что теперь с Советами, решившими вопрос с восточногерманскими беженцами, будет проще договориться. Однако очень быстро он понимает, что слишком высоко оценил потенциальную выгоду от Берлинской стены. Десятки жителей Берлина предпринимают отчаянные попытки сбежать на Запад, некоторые со смертельным исходом. Кризис усиливается, поскольку, пока Вашингтон обсуждает, как лучше вести и выиграть ядерную войну, Москва отправляет танки на границу, и мир ждет, затаив дыхание, – это повторится через год, когда события в Берлине 1961 года приведут к Карибскому кризису².

В книге приведены небольшие рассказы о жителях Берлина, невольно сыгравших роль в решающие моменты холодной войны; об оставшейся в живых женщине, неоднократно изнасилованной советскими солдатами, которая делится своей историей с людьми, желающими забыть о прошлом; о фермере, которого за несогласие с коллективизацией посадили в тюрьму; о девушке-инженере, чей побег на Запад заканчивается победой в конкурсе «Мисс Вселенная»; о восточногерманском солдате, чья фотография, запечатлевшая его прыжок к свободе через колючую проволоку с винтовкой в руке, стала символом свободы; о портном, который был расстрелян, когда плыл к свободе, первой жертве восточногерманских солдат, получивших приказ стрелять на поражение в потенциальных беглецов.

Насколько в начале 1961 года невероятным казалось, что политическая система возведет стену, чтобы удержать свой народ, настолько же невероятным стало уничтожение этой стены спустя двадцать восемь лет.

Только возвращаясь в год возведения Берлинской стены, мысленно обращаясь к людям, связанным с этим событием, можно понять, что произошло, и попытаться ответить на некоторые оставшиеся неразрешимыми вопросы истории.

Следует ли считать строительство Берлинской стены положительным результатом невозмутимого руководства Кеннеди или стена результат его слабохарактерности? Застало ли закрытие берлинской границы Кеннеди врасплох или он ожидал и даже хотел этого, полагая, что это будет способствовать разрядке напряженности, которая могла привести к ядерной войне? У Кеннеди были передовые взгляды и он стремился к миру или его политика была циничной и недалеконивидной, и, следуя он другим курсом, возможно, были бы спасены десятки миллионов жителей Восточной Европы от почти тридцатилетней советской оккупации и притеснения?

Действительно ли Хрущев был реформатором и его попытка установить отношения с Кеннеди сразу после выборов была искренней (что отказались признать Соединенные Штаты) и имела целью ослабить напряжение? Или на самом деле он был эксцентричным лидером, с которым Соединенные Штаты не могли иметь никаких дел? Отказался бы Хрущев от плана строительства Берлинской стены, если бы считал, что Кеннеди окажет сопротивление? Или опасность распада Восточной Германии была настолько велика, что он в случае необходимости рискнул войной, чтобы остановить поток беженцев?

На страницах этой книги делается попытка, основываясь на новых доказательствах и по-новому взглянув на события, пролить свет на один из самых драматичных годов второй половины XX века и даже попытаться применить его уроки к первым бурным годам XXI века.

² В США Карибский кризис называют Кубинским ракетным кризисом.

Часть первая Игроки

Глава 1

Хрущев: нетерпеливый коммунист

У нас тридцать ядерных бомб для Франции, более чем достаточно, чтобы уничтожить эту страну. Мы запасаем по пятьдесят бомб для Западной Германии и Британии.

Н.С. Хрущев американскому послу Льюллину Е. Томпсону, 1 января 1960 года

Независимо от того, насколько хорошим был старый год, новый год будет еще лучше... Я думаю, никто не упрекнет меня, если я скажу, что мы придаем большое значение улучшению отношений с США... Мы надеемся, что новый американский президент, подобно свежему ветру, развеет спертый воздух между США и СССР.

Из новогоднего тоста, произнесенного Хрущевым 1 января 1961 года

Кремль, Москва

Канун Нового года, 31 декабря 1960 года

До полуночи оставалось всего несколько минут, и у Никиты Хрущева были причины оживить в памяти подходящий к концу 1960 год. Наступающий год вызывал у него еще большее беспокойство, чем прошедший, когда он окидывал взглядом две тысячи гостей, собравшихся под высокими сводами Георгиевского зала Кремля. Снаружи метель толстым слоем снега покрывала Красную площадь и мавзолей, содержащий его забальзамированных предшественников, Ленина и Сталина, и Хрущев отчетливо понимал, что положение Советского государства в мире, лично его место в истории и его политическое выживание зависит от того, как ему удастся справиться с собственной бурей проблем.

Хрущев пережил подряд два неурожайных года. Всего двумя годами ранее он приступил к реализации программы, цель которой состояла в том, чтобы к 1970 году достигнуть жизненного уровня Соединенных Штатов, но он не мог удовлетворить даже основные потребности своего народа. Во время инспекционных поездок по стране он отмечал, что практически всюду ощущается нехватка жилья, масла, мяса, молока и яиц. Советники говорили ему, что вероятность рабочих восстаний растет с каждым днем и положение мало чем отличается от того, что было в Венгрии в 1956 году, когда он был вынужден подавить восстание советскими танками.

За границей хрущевская внешняя политика мирного сосуществования с Западом, в противовес сталинской политике неизменной конфронтации, совершила аварийную посадку, когда в мае прошедшего года советская ракета сбила американский высотный самолет-разведчик «Локхид» U-2. Несколько днями позже Хрущев сорвал встречу в Париже с президентом Дуайтом Д. Эйзенхауэром и его военными союзниками, потребовав, чтобы Эйзенхауэр принес публичные извинения за вторжение в воздушное пространство СССР, но Эйзенхауэр отказался. Используя этот инцидент в качестве доказательства несостоятельности Хрущева как руководителя, остатки сталинистов в КПСС и китайские коммунисты Мао Цзэдуна точили ножи против советского лидера, занимаясь подготовкой к XXII съезду Коммунистической пар-

тии Советского Союза. Хрущев использовал подобные собрания, чтобы провести чистку в рядах противников, и все, что он делал, было направлено на то, чтобы предотвратить переворот на этом съезде. Ничто не несло большей угрозы для Хрущева, чем ухудшающаяся ситуация в разделенном Берлине. Его критики заявляли, что он позволил гноиться самой опасной в мире коммунистической ране. Беженцы из Восточного Берлина с пугающей скоростью утекали на Запад. Хрущев любил называть Берлин яичками Запада, уязвимым местом, на которое он мог надавить, когда хотел заставить содрогнуться Соединенные Штаты. Однако это место стало ахиллесовой пятой самого Хрущева и советского блока, местом, где коммунизм был наиболее уязвим.

Однако Хрущев не поделился ни одной из этих проблем с гостями, среди которых были летчики, балерины, артисты, аппаратчики и послы, заполнившие в новогодний вечер Георгиевский зал, утопавший в свете трех тысяч лампочек, установленных в шести бронзовых золоченых люстрах. Для них приглашение на вечер к советскому лидеру являлось само по себе подтверждением статуса. Но в этот вечер в зале чувствовалось особое волнение, поскольку менее чем через три недели должен был занять свой пост Джон Ф. Кеннеди. Собравшиеся в зале понимали, что традиционный новогодний тост советского лидера задаст тон будущим американо-советским отношениям.

Когда куранты на Спасской башне Московского Кремля, сооруженной в XV веке, отбили полночный бой, возвестив о начале нового года, Хрущев энергично двинулся к гостям. Некоторым он пожимал руки, некоторых с такой силой стискивал в объятиях, что, казалось, сейчас разорвется по швам его мешковатый серый костюм. С такой же энергией он покинул родную русскую деревню Калиновка неподалеку от границы с Украиной и на большой скорости прошел через революцию, Гражданскую войну, параноидальные сталинские чистки, мировую войну и борьбу за руководство после смерти Сталина. Коммунистический переворот предоставил многим русским низкого происхождения новые возможности, но ни один из них не воспользовался ими так умело, как это сделал Никита Сергеевич Хрущев.

В связи с возрастающей возможностью Хрущева запускать ракеты с ядерными боеголовками у американских спецслужб появилось всепоглощающее занятие – постичь психологию Хрущева. В 1960 году ЦРУ собрало около двадцати экспертов – терапевтов, психиатров и психологов, – которые на основе видеозаписей, фотографий и речей составили психологический портрет Хрущева. Группа экспертов даже изучала снимки артерий Хрущева, чтобы оценить, насколько справедливы слухи об артериосклерозе и высоком кровяном давлении у советского лидера. В секретном отчете, который позже получил президент Кеннеди, эксперты сделали вывод, что, несмотря на колебания настроения, депрессии и запои, советский лидер показал себя, по их выражению, «хроническим оптимистичным оппортунистом». Они пришли к выводу, что Хрущев скорее активист, полный энтузиазма, чем, как до этого считали многие, беспринципный коммунист сталинского склада.

В другом сверхсекретном отчете, подготовленном ЦРУ для новой администрации, отмечалась хрущевская «изобретательность, смелость, хорошее чувство политического времени» и подчеркивалось, что Хрущев «проницательный и обстоятельный оратор, способный направить беседу в выгодном ему русле» и является прирожденным игроком. Вновь избранный президент был проинформирован, что за шутовскими манерами этого невысокого коренастого человека скрываются «проницательность, природная сообразительность, живой ум, энергия, амбиции и жестокость».

Но ЦРУ не сообщило о том, что Хрущев взял на себя личную ответственность за выборы Кеннеди и теперь ждал отдачи. Он хвастался товарищам, что его голос на последнем этапе выборов американского президента был решающим, поскольку он отказал в просьбе республиканцам освободить трех захваченных американских летчиков – Фрэнсиса Гэри Пауэрса, пилота U-2, и двух летчиков с американского самолета-разведчика RB-47, сбитого спустя два

месяца над Баренцевым морем. Теперь Хрущев, задействовав многочисленные каналы, стремился как можно скорее устроить встречу на высшем уровне с вновь избранным президентом Кеннеди, в надежде на решение берлинской проблемы.

Во время выборной кампании приказы советского лидера высокопоставленным должностным лицам откровенно демонстрировали как его желание, чтобы победу на выборах одержал Кеннеди, так и его неприязнь к Ричарду Никсону, который, как и непримиримый антикоммунист экс-президент Эйзенхауэр, нанес ему оскорбление во время так называемых кухонных дебатов относительно преимуществ двух систем³.

«Мы можем оказать влияние на президентские выборы в Америке! – сказал Хрущев товарищам. – Но мы не станем делать такого подарка Никсону».

После выборов Хрущев похвалялся, что, отказавшись отпустить пленных летчиков, он лично лишил Никсона нескольких сотен тысяч голосов, которых тому не хватило для победы. Всего в десяти минутах ходьбы от Кремля, где в Георгиевском зале проходила встреча Нового года, в тюрьме КГБ на Лубянке томились американские пленники как напоминание о предвыборных махинациях Хрущева. Советский лидер использовал их в качестве пешек в политической игре, чтобы в подходящий момент обменять с выгодой для себя.

Звучали ответные новогодние тосты. Хрущев вел себя скорее как либеральный политический деятель, чем как коммунистический диктатор. По-прежнему энергичный и живой, он, как многие другие русские, рано поседел и полысел. Ведя шутивную беседу с товарищами, он запрокидывал лысую голову и разражался хохотом от собственных шуток и анекдотов, без стеснения демонстрируя нездоровые зубы и металлические коронки. Лысину обрамляли коротко подстриженные волосы, лицо с тремя большими бородавками, курносый носом, красными щеками, глубокими мимическими морщинами и темными пронзительными глазами сохраняло оживленное выражение. Он почти непрерывно жестикулировал, говорил короткими фразами, отрывисто, громким, высоким, гнусавым голосом.

Он узнавал многих и, спрашивая товарищей о детях, называл их по имени: «Как поживает маленькая Таня? Как малыш Ваня?»

Учитывая цель, которую он преследовал в этот вечер, Хрущев был сильно разочарован, не найдя среди гостей самого влиятельного американца, посла Льюэллина «Томми» Томпсона, с которым он сохранил тесные отношения, несмотря на охлаждение американо-советских отношений. Жена Томпсона, Джейн, принесла извинения Хрущеву, объяснив, что муж остался дома из-за приступа язвы. Кроме того, посол все еще помнил столкновение с советским лидером на прошлой встрече Нового года, когда нетрезвый Хрущев чуть не объявил третью мировую войну.

Это произошло в два часа ночи, когда Хрущев, находясь в изрядном подпитии, вел беседу с Томпсоном, его женой, французским послом и секретарем ЦК Компартии Италии. Хрущев заявил Томпсону, что Запад дорого заплатит, если не удовлетворит его требование о выводе союзнических войск из Берлина. «У нас тридцать ядерных бомб для Франции, более чем достаточно, чтобы уничтожить эту страну, – сказал Хрущев, глядя на французского посла. – Кроме того, – добавил он, – мы запасаем по пятьдесят бомб для Западной Германии и Британии».

Джейн Томпсон предприняла неудачную попытку свести разговор к шутке, когда спросила, сколько ракет Хрущев приготовил для Дяди Сэма. «Это секрет», – улыбнулся Хрущев.

Понимая, что беседа принимает нежелательный оборот, Томпсон предложил тост за предстоящий в Париже саммит с Эйзенхауэром и возможность улучшения отношений. Однако

³ Кухонные дебаты – серия импровизированных диалогов (через переводчиков) между вице-президентом США Ричардом Никсоном и председателем Совета Министров СССР Никитой Хрущевым, состоявшихся 24 июля 1959 года на открытии Американской национальной выставки в парке «Сокольники» в Москве. Кухонные дебаты были первой встречей на высшем уровне между руководителями США и СССР после встречи в Женеве в 1955 году. Диалоги имели место в разных частях выставки, но в основном на территории модели кухни пригородного дома.

советский лидер продолжал расточать угрозы, заявив, что если соглашение на встрече четырех великих держав не будет достигнуто, то он подпишет договор с ГДР, который покончит с пребыванием западных стран в Берлине. Томпсону удалось закончить беседу только в шесть утра. Он ушел, понимая, что отношения сверхдержав зависят от неспособности Хрущева вспомнить на следующее утро то, что он говорил ночью.

Утром Томпсон направил телеграмму президенту Эйзенхауэру и государственному секретарю Кристиану Хертеру, в которой сообщил высказывания Хрущева, заявив, однако, что их не надо понимать буквально, поскольку советский лидер был в состоянии подпития. Томпсон высказал предположение, что Хрущев просто хотел «внушить нам важность» берлинской проблемы.

Спустя год, когда Томпсон остался дома и часы пробили двенадцать, Хрущев был более трезвым, чем на прошлой встрече Нового года, и находился в более добродушном настроении. Когда бой курантов возвестил о наступлении Нового, 1961 года и зажглись лампочки на новогодней елке, установленной в Георгиевском зале, Хрущев поднял бокал и предложил тост, который партийные лидеры примут как руководство к действию и который повторят во всех дипломатических телеграммах, разлетевшихся по миру: «С Новым годом, товарищи! Каким бы хорошим ни был старый год, новый год будет еще лучше!»

Зал взорвался аплодисментами. Объятия. Поцелуи. Поздравления.

Хрущев поднимает традиционные тосты за рабочих, крестьян, интеллигенцию, марксистско-ленинскую философию и мирное сосуществование народов во всем мире. «Мы считаем, что лучшей является социалистическая система, но мы никогда не будем пытаться навязывать ее другим странам», – говорит Хрущев.

В зале воцаряется тишина, когда Хрущев адресует свои слова Кеннеди: «Дорогие товарищи! Друзья! Господа! Советский Союз прилагает все усилия, чтобы установить дружеские отношения со всеми народами. Я думаю, никто не упрекнет меня, если я скажу, что мы придаем большое значение улучшению отношений с США. Нам хочется надеяться, что Соединенные Штаты стремятся к тому же. Мы надеемся, что новый американский президент подобно свежему ветру развеет спертый воздух между США и СССР».

Человек, годом раньше подсчитывавший количество атомных бомб, которые он сбросит на Запад, принял позу миротворца. «Во время предвыборной кампании, – сказал Хрущев, – господин Кеннеди сказал, что если он станет президентом, то извинится перед Советским Союзом» за полеты разведывательных самолетов над территорией СССР. Хрущев сказал, что хочет оставить «этот неприятный эпизод в прошлом и не возвращаться к нему... Мы верим, что, голосуя за господина Кеннеди и против господина Никсона, американский народ неодобрительно относится к политике холодной войны и ухудшению международных отношений».

Хрущев вновь поднял полный бокал: «За мирное сосуществование народов!»

Аплодисменты.

«За дружбу и мирное сосуществование всех народов!»

Бурные аплодисменты.

Хрущев не случайно дважды повторяет «за мирное сосуществование». Второй раз это еще и декларация о намерениях в отношении Кеннеди и заявление о решимости в отношении коммунистических соперников. Оценивая экономические возможности и новую ядерную угрозу, Хрущев в своем знаменитом секретном докладе на XX съезде высказал новую идею о том, что коммунистические страны могут мирно сосуществовать и соревноваться с капиталистическими странами. Однако его противники отдавали предпочтение более агрессивным сталинским идеям о мировой революции и более активным приготовлениям к войне.

К началу 1961 года призрак Сталина представлял для Хрущева большую угрозу, чем угроза с Запада. После смерти Сталина в 1953 году Хрущев получил в наследство Советский Союз с 209-миллионным населением и десятками национальностей, занимающий более

шестой части обитаемой суши. В ходе сражений Второй мировой войны Советский Союз потерял 27 миллионов убитыми, было разрушено 17 тысяч советских городов и 70 тысяч деревень. Это не считая тех миллионов людей, которые погибли во время параноидальных сталинских чисток и в голодные годы.

Хрущев обвинил Сталина в том, что тот начал ненужную, дорогостоящую холодную войну, когда Советский Союз еще не оправился от предыдущей войны. В частности, осудил Сталина за берлинскую блокаду 1948 года, когда диктатор недооценил решимость США и переоценил возможности Советского Союза, и это притом, что Соединенные Штаты сохраняли ядерную монополию. В результате Запад прорвал блокаду, затем в 1949 году было основано НАТО⁴ и в том же году создана отдельная Западная Германия.

Советский Союз дорого заплатил за то, что Сталин, по мнению Хрущева, «не продумал все должным образом».

Протянув Кеннеди оливковую ветвь в виде новогоднего тоста, в два часа ночи трезвый Хрущев отвел в сторону западногерманского посла Ганса Кролля. Для Хрущева шестидесятидвухлетний немец был вторым по значимости западным послом после отсутствующего в этот вечер Томпсона. Однако они были более близки, чем Хрущев и американский посол; их связывало то, что Кролля бегло говорил по-русски и придерживался мнения, обычного для немцев его поколения, что его страна со всех точек зрения – исторической, культурной и политической – более тесно связана с Москвой, чем с США.

В сопровождении Анастаса Микояна, заместителя председателя Совета Министров, и Алексея Косыгина, члена Президиума ЦК КПСС, Хрущев и Кролля прошли в ту же приемную, в которой годом ранее советский лидер в разговоре с Томпсоном высказывал угрозы в адрес Запада. В тот год Кролля в знак протеста покинул празднование Нового года после того, как советский лидер использовал новогодний тост для того, чтобы назвать Западную Германию «реваншистской и милитаристской».

Однако на этот раз Хрущев был в благодушном настроении и позвал официанта, чтобы тот налил Кроллю крымского шампанского. Сам Хрущев пил сухое красное армянское вино; он объяснил Кроллю, что врачи запретили ему пить водку и другие крепкие напитки. Кролля наслаждался личными беседами с Хрущевым и в такие моменты старался стоять как можно ближе и говорить полупрошепотом, чтобы подчеркнуть существующую между ними близость.

Кролля родился на четыре года позже Хрущева в прусском городе Дойч-Пекар, который в 1922 году отошел Польше под названием Пекары-Сленске. Впервые он познакомился с русским, когда мальчиком ловил рыбу в реке, разделявшей германскую и царскую империю. В 1920-х годах он провел два года в Москве в качестве дипломата, когда послевоенная Германия и новый коммунистический Советский Союз, в то время две наиболее критикуемые страны в мире, заключили Рапальский договор, который положил конец их дипломатической изоляции, и сформировали антизападную, антиверсальскую коалицию.

По мнению Кролля, только окончательная договоренность между Германией и Советским Союзом – «двумя самыми могущественными странами в Европе» – об улучшении отношений может ослабить напряженную обстановку в Европе. Он действовал в этом направлении начиная с 1952 года, когда возглавил торговый отдел Восток – Запад министерства экономики; Западной Германии тогда было всего три года. Из-за своих взглядов он часто вступал в конфликты с американцами, которые опасались, что излишне теплые отношения могут открыть путь Советскому союзу в нейтральную Западную Германию.

⁴ НАТО (*англ.* North Atlantic Treaty Organization, NATO) – Организация Североатлантического договора, или Североатлантический альянс. Военно-политический блок, объединяющий большинство стран Европы, США и Канаду. Основан 4 апреля 1949 года в США.

Хрущев поблагодарил Кролля за оказанную прошлой осенью помощь, когда удалось заставить западногерманского канцлера Конрада Аденауэра подписать новые торгово-экономические соглашения с коммунистическим миром и, в числе прочего, восстановить торговые отношения Восток – Запад, прерванные несколькими месяцами ранее. Хотя Восточная Германия была советской зоной, Хрущев считал, что Западная Германия имеет значительно большее значение для советской экономики – современное оборудование, технологии, займы в свободно конвертируемой валюте.

Итак, советский лидер поднял тост за то, что он назвал замечательным послевоенным восстановлением Федеративной Республики Германии. Хрущев сказал Кроллю, что надеется на то, что канцлер Аденауэр будет использовать растущую экономическую силу и, следовательно, меньше зависеть от США, чтобы дистанцироваться от Вашингтона и улучшить отношения с советским правительством.

После этого Косыгин попросил разрешения у Кролля сказать тост. «Для нас вы являетесь представителем всех немцев», – сказал Косыгин, выражая мнение Хрущева, что Советский Союз окажется в намного более выгодном положении, если его союзниками станут западные немцы с их ресурсами, чем восточные немцы с их постоянными экономическими требованиями и некондиционными товарами.

Следом Хрущев приправил эти лестные слова угрозой. «Немецкий вопрос должен быть решен в 1961 году», – сказал он Кроллю. Советский лидер заявил, что потерял терпение из-за отказа американцев договориться относительно статуса Берлина таким образом, чтобы он мог остановить поток беженцев и подписать заканчивающий войну мирный договор с Восточной Германией. Микоян объяснил Кроллю, что «определенные круги» в Москве оказывают на Хрущева настолько сильное давление, что советский лидер больше не может сопротивляться их требованию воздействовать на Берлин.

Кролля предположил, что Микоян ссылается на группу, известную в советских партийных кругах как группа Ульбрихта, которая находилась под сильным влиянием восточногерманского лидера, громко сетовавшего, что Хрущев не защищает социалистическую Германию с должной энергией.

Отдав должное шампанскому и выслушав поздравления, Кролля отметил, что советский лидер продемонстрировал удивительное терпение в отношении Берлина. Однако он предупредил Хрущева, что если Советский Союз в одностороннем порядке отменит статус Берлина, то это приведет к международному кризису и даже, возможно, к военному конфликту с США и Западом.

Хрущев не согласился. Он считал, что Запад ответит «коротким периодом волнений», которые быстро улягутся. «Никто в мире не объявит войну из-за Берлина и германского вопроса», – сказал он Кроллю. Хрущев, понимая, что Кролля сообщит об этой беседе американцам и своему руководству, сказал, что предпочтет принять в одностороннем порядке достигнутое в ходе переговоров соглашение, но подчеркнул, что «это будет зависеть от Кеннеди».

В четыре утра Хрущев закончил беседу и вместе с Кроллем, Косыгиным и Микояном вышел в зал, где все еще продолжались танцы. При их появлении танцующие пары расступились и освободили проход через зал.

Даже такой опытный посол, как Кролля, никогда не знал, к какой из часто произносимых Хрущевым угроз следует относиться серьезно. Однако по тому, как в тот вечер Хрущев высказался относительно берлинского вопроса, он сделал вывод, что в наступающем году этот вопрос приведет к конфронтации. Кролля передал разговор Аденауэру – и через него американцам. Ему было ясно, что Хрущев пришел к выводу, что, бездействуя, он рискует намного больше, чем предпринимая конкретные шаги.

Однако каким будет этот год – годом сотрудничества или конфронтации, – зависело от дилеммы, лежащей в основе взглядов Хрущева на берлинскую проблему.

С одной стороны, Хрущев был уверен, что не может соперничать и вступать в войну с американцами. Он хотел договориться с Соединенными Штатами о мирном сосуществовании и обращался к вновь избранному президенту в надежде на посредничество в соглашении по Берлину.

С другой стороны, встреча Хрущева с западногерманским послом Кроллем показала, какое сильное давление оказывает на него берлинская проблема и что ему требуется срочно разрешить эту проблему, пока она не переросла в более серьезную угрозу и для советской империи, и лично для него как руководителя.

Вот почему Хрущев был нетерпеливым коммунистом.

Необходимо отметить, что жители Берлина презирали его, возмущались поведением советских солдат и устали от советской оккупации. У них остались только плохие воспоминания о послевоенном периоде.

История изнасилования Марты Хиллерс

Швейцария, январь 1961 года

Марта Хиллерс отказалась ставить свое имя на рукописи, в которой подробнейшим образом описала завоевание Берлина советскими войсками холодной весной 1945 года. Это было время, когда ее жизнь – как и жизнь десятков тысяч берлинских женщин и девушек – превратилась в кошмар, полный страха, насилия и голода.

Книга, впервые изданная на немецком языке в 1959 году, вытащила на свет одно из ужаснейших военных злодеяний. Согласно оценкам, сделанным на основе историй болезни, в течение последних дней войны и первых дней советской оккупации было изнасиловано от 90 до 130 тысяч жительниц Берлина. Десятки тысяч немецких женщин подверглись насилию в других местах Германии, входивших в советскую зону.

Хиллерс считала, что книга будет радушно принята людьми, которые хотели, чтобы мир знал, что они тоже были жертвами войны. Однако жители Берлина встретили книгу либо враждебно, либо обойдя ее выход молчанием. Мир еще не испытывал особого сочувствия к немцам, которые причинили огромное страдание многим народам. У жительниц Берлина, подвергшихся насилию, не было никакого желания вспоминать о пережитом. А для мужчин, жителей Берлина, напоминание о том, что они не смогли защитить своих жен и дочерей, было слишком болезненным. Начало 1961 года в Восточной Германии и Восточном Берлине было временем удовлетворенности и амнезии, и, казалось, не было причин копаться в истории, которую уже никто не мог изменить, да и не имел такого желания.

Возможно, для Хиллерс подобная реакция не явилась неожиданностью, судя по тому, что свои мемуары она озаглавила «Анопума – Eine Frau in Berlin» («Безымянная – одна женщина в Берлине»), не пожелав напечатать их под своим именем. Она издала мемуары только после свадьбы и переезда в Швейцарию. Книга не распространялась и не рецензировалась в Восточной Германии; в коммунистическую зону были ввезены контрабандным путем в чемоданах, забитых журналами мод и другими, не имеющими отношения к данной теме журналами и книгами, всего несколько копий. В Западном Берлине воспоминания анонимного автора распродавались плохо, и рецензенты обвиняли автора в антикоммунистической пропаганде и в том, что она запятнала честь немецких женщин.

Одна такая рецензия, спрятанная на тридцать пятой странице западноберлинской «Тагешпигель», имела заголовок: «Плохая услуга жительницам Берлина. Бестселлер за границей – сфальсифицированный частный случай». Что вызвало резкое раздражение у рецензента, который обвинил автора в «бесстыдной безнравственности», в цинизме послевоенных месяцев?

Мнения, подобные высказанному в «Тагешпигель», побудили Хиллерс сохранять анонимность на протяжении всей жизни, которая закончилась в 2001 году в девяностолетнем возрасте, и противиться новым изданиям книги.

Ей не довелось узнать, что после смерти ее книга была переиздана на нескольких языках, в том числе в 2003 году на немецком, и стала бестселлером. И уж тем более она не могла предположить, что ее история ляжет в основу немецкого художественного фильма, снятого в 2008 году, и будет пользоваться популярностью у феминисток.

Возвращаемся в 1961 год. Хиллерс была сильно обеспокоена тем, что репортеры пытались выследить ее, используя незначительные подсказки, имевшиеся в книге. Читая книгу, можно было понять, что она была журналисткой, жила в районе Темпельхоф, провела в Советском Союзе достаточно времени, чтобы выучить русский язык, и что она «бледная блондинка, всегда в одном и том же случайно спасенном [ею] зимнем пальто». Этого было недостаточно, чтобы опознать ее.

Однако нет ничего, что так точно охарактеризовало бы отношение немцев к оккупантам, чем содержание книги Хиллерс и отказ берлинцев читать ее. Восточные немцы относились к советским оккупантам, которых в 1961 году было порядка 400–500 тысяч человек, со смесью жалости, страха и удовлетворения. В то время большинство восточных немцев покорно приняли своих, по-видимому, постоянных поселенцев. Из тех, кто не смирился, многие сбежали на Запад.

Сочувствие к советским оккупантам объяснялось, вероятно, тем, что иногда молодые солдаты больше не могли выдерживать жестокость офицеров, холодных и переполненных казарм и предпринимали попытки дезертировать, что тоже вызывало жалость у местных жителей.

В казармах, построенных во времена Третьего рейха, размещалось в три раза больше советских солдат, чем когда-либо находилось гитлеровских солдат. Последний побег был совершен после мятежа в казармах в Фалькенберге, поднятого накануне Нового года. Четверо советских солдат сбежали в Западный Берлин, и поисковые группы были направлены к границе Берлина. Ходили слухи, что советские солдаты поджигали сараи и другие строения, в которых скрывались дезертиры, и те сгорели заживо вместе с находившимся там скотом.

Это еще больше увеличивало глубоко укоренившийся страх немцев перед советскими солдатами.

Страх возник после событий 17 июня 1953 года, когда, уже после смерти Сталина, советские войска и танки подавили народное восстание, всколыхнувшее молодое восточногерманское государство до непрочного основания. Погибло более пятисот восточных немцев, а 4270 были заключены в тюрьму.

Тем не менее более глубокие корни страха, испытываемого восточными немцами, прятались в событиях, которые описала Хиллерс. Была причина, почему женщины в Восточном Берлине замирали всякий раз, когда мимо проходил советский солдат или когда восточногерманский лидер Вальтер Ульбрихт, выступая по радио, говорил о прочной дружбе с советским народом.

Хиллерс описала, почему посторонние люди почти не испытывали сочувствия к немецким женщинам, подвергшимся страданиям, и почему многие немцы считали, что, возможно, некий мстительный Бог послал наказание в виде насилия над женщинами за их недостойные поступки. «Наша немецкая беда имеет привкус отвращения, болезни и безумия, не сравнима ни с чем в истории. Только что по радио опять был репортаж о концлагере. Самое ужасное – это порядок и экономия: миллионы людей в виде удобрения, наполнителя для матрасов, жидкого мыла, войлочных матов – Эсхил никогда не видел ничего подобного», – записала Хиллерс в первые дни оккупации.

Хиллерс была в отчаянии от глупости нацистских лидеров, которые отдали приказ не уничтожать запасы алкоголя, а оставлять наступающим советским войскам, считая, что пьяные советские солдаты будут менее опасными противниками. «Я убеждена, что без алкоголя, который солдаты находили у нас повсюду, было бы вдвое меньше изнасилований. Они не Казановы. Они просто теряют над собой контроль», – высказала свое мнение Хиллерс.

Вот как она описывает один из многих случаев насилия, который заставил ее искать покровительство.

«Меня ведет пожилой человек с серой щетиной на подбородке, он пахнет водкой и лошадьми. Он тщательно затворяет за собой дверь и ворчит, когда не находит ключа в замке. Он, похоже, не видит свою добычу. Глаза зажмурены, и зубы стиснуты. Никакого звука. Только слышно, как трещит и рвется нижнее белье, хрустят невольно зубы. Последние мои целые вещи.

Вдруг палец у моего рта, омерзительный запах лошади и табака. Я открываю глаза. Чужие руки умело разжимают мои сжатые челюсти. Смотрю в глаза. Тогда он неторопливо вливает свою накопленную слюну мне в рот.

Я цепенею. Не отвращение, только холод.

Застой. Не отвращение, только холод. Позвоночник замерзает: ледяная дрожь охватывает затылок. Я чувствую, как скольжу и падаю, глубоко, сквозь подушки и половицы. Тону где-то в земле.

Опять глаза в глаза. Чужие губы открываются, желтые зубы, передний зуб наполовину щербатый. Углы рта поднимаются, маленькие морщинки как лучики из уголков глаз. Он улыбается.

Прежде чем уйти, он вынимает что-то из кармана брюк, безмолвно кладет на ночной столик, отодвигает кресло в сторону, захлопывает за собой дверь. На столике – открытая коробка с несколькими папиросами. Плата за мои услуги.

Я встаю, кружится голова, тошнота. Разорванная одежда падает на ноги. Я, шатаюсь, прохожу через прихожую мимо всхлипывающей вдовы в ванную. Меня рвет. Зеленое лицо в зеркале. Я сижу на краю ванны, не решаясь наклониться, поскольку меня все еще тошнит, а в ведре так мало воды».

И в этот момент Марта Хиллерс приняла решение. Она по возможности привела себя в порядок и вышла на улицу охотиться за «волком», высокопоставленным советским офицером, который стал бы ее покровителем. Она решает, что пусть уж лучше ее постоянно будет насиловать один русский, чем нескончаемая вереница русских. Как миллионы других немок, Хиллерс примиряется с этим занятием, не имея возможности сопротивляться.

Только спустя несколько лет исследователи попытались восстановить весь ужас того времени. В период между окончанием лета и началом осени 1945 года было изнасиловано как минимум 110 тысяч женщин в возрасте от двенадцати до восьмидесяти восьми лет. Приблизительно сорок процентов из них были изнасилованы многократно. Каждая пятая жертва насилия забеременела, примерно половина из них родила, а остальные сделали аборт, зачастую без анестезии. Тысячи женщин покончили жизнь самоубийством: одни – не в состоянии пережить позор, другие – из страха подвергнуться насилию. В следующем году примерно пять процентов новорожденных, родившихся в Берлине, были «русскими».

И в 1958 году, когда эти дети стали подростками, Хрущев спровоцировал то, что получило название Берлинский кризис.

Глава 2

Хрущев: берлинский кризис разворачивается

Западный Берлин превратился в своего рода злокачественную опухоль фашизма и реваншизма. Именно поэтому мы решили сделать операцию.

Никита Хрущев на первой пресс-конференции в качестве председателя Совета Министров СССР, 8 ноября 1958 года

Следующий президент в первый год столкнется с серьезнейшим вопросом относительно нашей защиты Берлина, нашего обязательства перед Берлином. Это станет проверкой наших нервов и воли... Мы столкнемся с самым серьезным Берлинским кризисом, начиная с 1949 года.

Сенатор Джон Ф.Кеннеди, в президентской кампании во время дебатов с вице-президентом Ричардом Никсоном, 7 октября 1960 года

Дворец спорта, Москва Понедельник, 10 ноября 1958 года

На неожиданной сцене перед ничего не подозревающей аудиторией Никита Хрущев начал то, что мир узнает как Берлинский кризис.

Стоя в центре современного, самого большого московского спортивного комплекса, советский лидер, выступая перед польскими коммунистами, заявил, что планирует отказаться от послевоенных соглашений. Он хотел отказаться от Потсдамского соглашения, подписанного союзниками в войне, и в одностороннем порядке изменить статус Берлина, требуя передачи всего Берлина Восточной Германии и вывода из Берлина всех союзнических войск.

Местом его выступления был Дворец спорта Центрального стадиона имени В.И. Ленина, открывшийся с большой помпой двумя годами ранее как современная арена для демонстрации советских спортивных достижений. Однако с тех пор самым незабываемым моментом было ошеломляющее поражение русских от шведов на чемпионате мира по хоккею с шайбой в 1957 году, который был омрачен бойкотом США и других западных стран, не приславших свои сборные в Москву в знак протеста против ввода советских войск в Венгрию.

Поляки не ожидали такого драматичного поворота событий. Оставшись в Москве после празднования сорок первой годовщины большевистской революции, они ожидали услышать привычные разглагольствования на одном из бесчисленных коммунистических митингов. Но когда Хрущев заявил, что «пришло время подписавшим Потсдамское соглашение отказаться от оккупационного режима в Берлине и позволить создать нормальное положение в столице Германской Демократической Республики», собравшиеся на митинг замерли в полном молчании.

Поляки были не единственными, кого удивило это заявление советского лидера. Хрущев не предупредил заранее ни западные страны, подписавшие Потсдамское соглашение, ни своих социалистических союзников, включая восточных немцев. Он даже не посоветовался с руководством своей коммунистической партии. Только перед самым выступлением Хрущев поделился с руководителем польской делегации, первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии Владиславом Гомулкой, что планирует сказать во время своего выступления. Гомулка был в шоке. Он опасался, что если Хрущев выступит с подобным заявлением, то это может привести к войне за Берлин.

Хрущев объяснил Гомулке, что действует в одностороннем порядке, поскольку устал от берлинской дипломатии, которая никуда не ведет. Он сказал, что готов рискнуть вступить в конфронтацию с Западом, и утверждал, что находится в более выгодном положении, чем Сталин в 1948 году, поскольку теперь Москва ликвидировала американскую ядерную монополию. Хрущев мог в течение нескольких недель разместить на территории Восточной Германии средства ядерного устрашения. Двенадцать баллистических ракет средней дальности Р-5 давали Хрущеву возможность ответить на любой ядерный удар США по Восточному Берлину контрударами по Лондону и Парижу – если не по Нью-Йорку. Несмотря на то что речь шла о секретном оружии, Хрущев сказал Гомулке, что «сейчас равновесие сил изменилось... Америка стала ближе к нам; наши ракеты могут напрямую поразить Соединенные Штаты». Советский лидер получил возможность уничтожить европейских союзников Вашингтона.

Хрущев не поделился подробностями относительно сроков и реализации своего нового берлинского плана, поскольку еще сам не определился с деталями. Он только сказал польским товарищам, что Советский Союз и западные союзники, согласно его плану, в течение определенного времени должны будут вывести всех военнослужащих из Восточной Германии и Восточного Берлина. Он подпишет заканчивающий войну мирный договор с Восточной Германией и затем передаст ей всю полноту власти над Восточным Берлином, включая контроль над всеми коммуникационными сообщениями с Западным Берлином. После этого американские, британские и французские солдаты будут добиваться разрешения у восточногерманского лидера Вальтера Ульбрихта на вход в любой район Берлина. Хрущев объяснил людям, собравшимся во Дворце спорта, что будет рассматривать любое нарушение новых правил, любую силовую акцию или провокацию против ГДР как нападение непосредственно на Советский Союз.

Наступательная позиция Хрущева объяснялась тремя причинами.

Прежде всего, это была попытка добиться внимания президента Эйзенхауэра, который игнорировал его требования о переговорах по Берлину. Похоже, что независимо от того, что делал Хрущев, он не смог завоевать уважения американских официальных лиц, которого жаждал с такой силой.

Его противники справедливо утверждали, что Соединенные Штаты не слишком доверяют ему и не воздают должного за предпринятые им в одностороннем порядке меры по ослаблению напряженных отношений после смерти Сталина. Он не просто заменил концепцию о неизбежной борьбе между социалистической и капиталистической системами на концепцию о мирном сосуществовании. В период с 1955 по 1958 год он в одностороннем порядке сократил численность Вооруженных сил СССР на 2,3 миллиона человек и вывел войска из Финляндии и Австрии, открыв этим странам путь к нейтралитету. Кроме того, поддерживал политические и экономические реформы в странах-сателлитах в Восточной Европе.

Вторая причина заключалась в том, что Хрущев обрел уверенность в своих силах после расправы над так называемой «антипартийной группой» во главе с крупными государственными и партийными деятелями Вячеславом Молотовым, Георгием Маленковым и Лазарем Кагановичем, бывшим наставником Хрущева. Они критиковали его стиль руководства, его позицию в отношении Берлина. В отличие от Сталина Хрущев не лишил их жизни, а сослал подальше от Москвы: Молотова отправил послом в Монголию, Маленкова – в Казахстан, директором электростанции, а Кагановича – на Урал, управляющим трестом Союзасбест. Следом он отправил в отставку министра обороны маршала Георгия Жукова, которого тоже подозревал в заговоре против себя.

Стремясь оправдать свою позицию по Берлину, за четыре дня до выступления он заявил партийному руководству, что США первыми нарушили Потсдамское соглашение, когда в 1955 году предоставили Западной Германии вступить в НАТО, а затем готовились снабдить ее ядерным оружием. Обрисовав свой план действий, он закрыл заседание Президи-

ума, не поставив столь важный вопрос на голосование, поскольку понимал, что встретит противодействие.

Третьей причиной был непосредственно Берлин с увеличивающимся потоком беженцев. Несмотря на огромную уверенность в собственных силах и способностях, Хрущев по личному опыту знал, что проблемы разделенного города могут отозваться в Москве. Вскоре после смерти Сталина Хрущев использовал угрожающую ситуацию, возникшую в Восточной Германии, для устранения опаснейшего соперника, бывшего шефа тайной полиции Лаврентия Берии, после того как советские войска подавили восстание рабочих, поднятое 17 июня 1953 года.

Среди так называемого «коллективного руководства», пришедшего к власти после смерти Сталина, Хрущев был темной лошадкой. Он плохо разбирался в вопросах внешней политики и рассматривал политику Германии сквозь объектив внутренней политики. Берия возглавил кампанию против сталиниста, лидера Восточной Германии Вальтера Ульбрихта и его политики *Aufbau des Sozialismus* – строительства социализма. Ульбрихт противостоял оппозиции и растущему количеству беженцев с помощью арестов и репрессий, проводил насильственную коллективизацию, ускоренную национализацию предприятий, ужесточение цензуры. В результате его политики отток беженцев резко увеличился и за первые четыре месяца 1953 года составил 122 тысячи человек, в два раза превысив уровень прошлого года. В марте 1953 года на Запад бежали 56 605 человек – в шесть раз больше, чем годом ранее.

На решающем заседании Президиума Совета Министров Берия сказал: «...нам нужна только мирная Германия, а будет там социализм или не будет, нам все равно». Для Советского Союза, сказал он, будет достаточно, если Германия воссоединится – пусть даже на буржуазных началах. Берия хотел договориться о выплате значительной финансовой компенсации Западом в обмен на согласие Советского Союза на создание объединенной нейтральной Германии. Он даже поручил одному из своих наиболее преданных заместителей прозондировать с западными странами возможность воссоединения Германии. «Что такое эта ГДР? – спросил Берия, используя аббревиатуру этого вводящего в заблуждение официального названия Восточной Германии. – Она сохраняется только благодаря советским войскам, хотя мы и называем ее Германской Демократической Республикой».

Послесталинское коллективное руководство не приняло во внимание предложение Берии отказаться от строительства социализма в Восточной Германии. Следуя указаниям советского правительства, Ульбрихт прекратил насильственную коллективизацию сельского хозяйства, практику массовых арестов и репрессий; провел частичную амнистию политических заключенных; увеличил объем производства товаров народного потребления.

Хрущев почти не принимал активного участия в дебатах, которые привели к резкому изменению политического курса, и не выступал против реформ. Он наблюдал, как ослабление власти способствовало восстанию, которое могло привести к краху Восточной Германии, если бы не вмешались советские танки.

Чуть больше чем через неделю после восстания, 26 июня, Хрущев приказал арестовать Берию. Среди прочего, Хрущев обвинил Берию в том, что тот был готов отказаться от строительства социализма в Германии, победа над которой во Второй мировой войне досталась такой дорогой ценой. На заседании Президиума ЦК, которое решило судьбу Берии и привело в движение события, закончившиеся расстрелом Берии, товарищи-коммунисты назвали Берию не внушающим доверия социалистом, «врагом народа, которого следует изгнать из партии и судить за измену». Его отказ от строительства социализма в Восточной Германии сочли «прямой капитуляцией перед империалистическими силами».

Хрущев извлек из истории Берии два урока, которые никогда не забывал. Во-первых, он узнал, что политическая либерализация в Восточной Германии может привести к краху страны. Во-вторых, он понял, что ошибки, совершенные в Берлине, могут пагубным обра-

зом отразиться на Москве. Спустя три года, в 1956 году, Хрущев обеспечит себе беспрепятственный приход к власти, отрекшись от преступных деяний сталинизма на XX съезде партии. Однако он всегда помнил, что именно репрессии по сталинскому образцу сохранили Восточную Германию и позволили ему избавиться от самого опасного соперника.

В первые дни после выступления Хрущева во Дворце спорта президент Эйзенхауэр не хотел отвечать публично на заявление советского лидера, надеясь, что, как это часто случалось в прошлом, взрыв гнева Хрущева не будет сопровождаться конкретными действиями. Однако Хрущев не успокоился. Спустя две недели после выступления перед поляками, в американский праздник День благодарения, он превратил свою речь в ультиматум (так называемый берлинский ультиматум), требуя ответа от Соединенных Штатов. Ультиматум, в котором он смягчил некоторые требования, чтобы получить поддержку Президиума ЦК, был вручен посольствам всех заинтересованных стран.

Хрущев не привел в действие угрозу о немедленном отказе Советского Союза от всех обязательств Потсдамского соглашения. Вместо этого он отвел Западу шесть месяцев, в течение которых должны были пройти переговоры, и только после этого собирался в одностороннем порядке изменить статус Берлина. Одновременно он изложил свой план демилитаризации и нейтрализации Западного Берлина.

Хрущев пригласил американских корреспондентов, которые в своих московских квартирах в День благодарения резали индейку на праздничном столе, чтобы рассказать им о некоей хирургической операции, которую он планировал провести. Во время первой пресс-конференции в качестве премьер-министра Хрущев, очевидно чтобы показать, какое важное значение имеет для него Берлин, сказал репортерам: «Западный Берлин превратился в своего рода злокачественную опухоль фашизма и реваншизма. Именно поэтому мы решили сделать операцию».

Что касается текста дипломатической ноты на двадцати восьми страницах, сказал Хрущев корреспондентам, с окончания войны прошло тринадцать лет, и пришло время признать факт существования двух немецких государств. Восточная Германия никогда не откажется от социализма, сказал Хрущев, а Западной Германии никогда не удастся поглотить Восточную Германию. Таким образом, он предоставил Эйзенхауэру возможность сделать выбор: в течение шести месяцев провести переговоры и достигнуть соглашения по демилитаризации и нейтрализации Берлина, или Москва будет действовать в одностороннем порядке и достигнет того же результата.

Сын Хрущева, Сергей, которому в то время было двадцать три года, беспокоился, что отец не дал Эйзенхауэру выхода из острых разногласий, которые могут привести к ядерной войне. Он сказал отцу, что американцы ни за что не согласятся на предложенные сроки. Хотя русские были известны как хорошие шахматисты, Сергей понимал, что в этом случае – как и во многих других – его импульсивный отец не продумал свой следующий ход.

Хрущев, засмеявшись, успокоил Сергея: «Никто не начнет войну за Берлин». Он объяснил сыну, что хочет просто «вынудить согласиться» Соединенные Штаты начать переговоры по Берлину и запустить дипломатический процесс «бесконечного обмена нотами, письмами, декларациями и речами». Только установив жесткий крайний срок, сказал Хрущев сыну, можно заставить стороны прийти к приемлемому решению.

«А что, если мы не найдем его?» – спросил Сергей.

«Будем искать другое, – ответил Хрущев. – Какое-то всегда найдется».

В ответ на подобные сомнения, высказанные Олегом Трояновским, его помощником и советником по внешнеполитическим вопросам, Хрущев, перефразируя Ленина, объяснил, что планирует «ввязаться в бой, а затем посмотреть, что получится».

Кабинет Хрущева в Кремле, Москва, Понедельник, 1 декабря 1958 года

Спустя несколько дней после Дня благодарения, во время одной из самых примечательных встреч советского лидера и американского политического деятеля, Хрущев ясно дал понять, что в данный момент его берлинский ультиматум призван больше для привлечения внимания президента Эйзенхауэра, чем для решения вопроса относительно изменения статуса Берлина.

Хрущев пригласил в свой кабинет в Кремле сенатора от Миннесоты Хьюберта Х. Хамфри; это была самая долгая из бесед, которые советский лидер имел с кем-либо из американских официальных лиц и политических деятелей. Хотя намечалась всего часовая встреча, их переговоры, начавшись в три часа дня, закончились ближе к полуночи.

Хрущев, выставляя напоказ свои знания Америки, рассуждал о политической жизни Калифорнии, Нью-Йорка и родного штата Хамфри, Миннесоты. Он пошутил относительно «нового Маккарти» – не антикоммуниста Джозефа, а левоцентристского конгрессмена Юджина, который позже будет баллотироваться на пост президента. Хрущев поделился с Хамфри секретом – «этого не знает ни один американец», – рассказав об успешных испытаниях советской водородной пятидесятимегапонной бомбы. Он также рассказал о разработке ракеты дальности 13 тысяч километров, которая могла быть подготовлена к старту всего за несколько минут и легко доставала до США.

Когда Хамфри по просьбе Хрущева сказал название своего родного города, советский лидер вскочил со стула, подбежал к висевшей на стене карте и обвел синим карандашом Миннеаполис – «это чтобы я не забыл приказать не трогать этот город, когда они выпустят ракеты по США». Хрущев поразил Хамфри как человек не слишком уверенный в прочности своего положения, «который поднялся из бедности к богатству и власти, но не слишком уверен в себе и в своем новом положении».

Рассказывая на следующий день о своей встрече послу Томпсону, чтобы американский посол мог передать этот разговор президенту Эйзенхауэру, Хамфри подчеркнул, что Хрущев не меньше двадцати раз возвращался к берлинскому вопросу и ультиматуму, который, по словам советского лидера, появился после «многочасных раздумий». Хамфри пришел к заключению, что главная цель их восьмичасовой беседы – настоящего марафона – заключалась в том, чтобы «произвести на него впечатление советской позицией по Берлину и передать его [Хрущева] слова и мысли президенту Соединенных Штатов».

Для описания Берлина у Хрущева был целый арсенал метафор. Западный Берлин, сказал Хрущев, это кость в горле Советского Союза, и он хочет вытащить эту кость, сделав Берлин «свободным городом», демилитаризованным, под наблюдением представителей Организации Объединенных Наций. Хрущев, чтобы убедить Хамфри, что он не пытается обмануть Соединенные Штаты, подробно рассказал, как лично приказал вывести советские войска из Австрии в 1955 году, тем самым обеспечив ее нейтралитет. Хрущев сказал Хамфри, что он убедил министра иностранных дел Молотова, что советские войска были бы нужны в Австрии только в том случае, если бы он хотел расширяться в западном направлении, но он не хотел этого делать. Так, по его словам, «Австрия стала нейтральной, и был уничтожен источник конфликта».

По его мнению, поведение Советов в Австрии должно послужить Эйзенхауэру и как образец для Западного Берлина, и как ручательство относительно будущего. Вот почему, сказал он, Соединенным Штатам, Великобритании и Франции нет необходимости оставлять войска в Берлине. «Зачем вам двадцать пять тысяч солдат в Берлине, если вы не хотите вести войну? –

спокойно сказал он. – Почему вы не выдергиваете этот шип? Свободный город, свободный Берлин, возможно, поможет растопить лед между СССР и США».

Хрущев убеждал Хамфри, что, решая берлинскую проблему, он и Эйзенхауэр могут улучшить личные отношения и вместе достигнуть исторической оттепели в холодной войне. И если американскому президенту не понравилось что-то в его берлинском плане, сказал Хрущев Хамфри, то он готов рассмотреть встречные предложения. Хрущев сказал, что готов принять любые альтернативные предложения от Эйзенхауэра, за исключением предложений об объединении Германии и «ликвидации социалистической системы в Восточной Германии».

Быстрые переходы Хрущева от обольщения к угрозам напомнили Хамфри, как методом попеременного погружения ног в горячую и холодную воду лечили его отца от ознобления в Южной Дакоте. «Наши солдаты там не прохлаждаются, наши танки там не для того, чтобы указывать вам путь к Берлину. Мы всерьез беремся за дело», – сболтнул Хрущев. И тут же глаза советского лидера увлажнились, когда он со слезами в голосе заговорил о гибели сына во Второй мировой войне и своих нежных чувствах к президенту Эйзенхауэру. «Мне нравится президент Эйзенхауэр, – сказал Хрущев Хамфри. – Мы не желаем зла Соединенным Штатам и Берлину. Вы должны убедить в этом президента».

Эйзенхауэр, как и надеялся советский лидер, ответил на берлинский ультиматум Хрущева. Он предложил провести встречу министров иностранных дел четырех держав в Женеве, на которой в качестве наблюдателей будут присутствовать представители Восточной и Западной Германии. Хотя переговоры закончились безрезультатно, Эйзенхауэр предложил Хрущеву стать первым советским руководителем Коммунистической партии, посетившим Соединенные Штаты.

Хрущев поздравил себя, рассматривая желание Эйзенхауэра принять его в логове капиталистов как «конкретный результат берлинского давления, которое он оказал на западные державы».

Он полагал, что наконец-то добился уважения у Америки к себе и своей родине, то, чего он так сильно жаждал.

Визит Хрущева в Соединенные Штаты 15—27 сентября 1959 года

По мере приближения даты отъезда в Америку все более возрастала тревога Хрущева, опасавшегося, что принимающая сторона планирует «провокацию» сразу по прибытии его в Америку или во время посещения. Этим, в свою очередь, как доказательством, что его визит в Соединенные Штаты был неподготовленным и пагубным с точки зрения интересов Советского Союза, могут воспользоваться его соперники, которых заставили замолчать, но не одолели.

Вот почему Хрущев меньше думал о том, как он будет вести переговоры в США о будущем Берлине, а был больше занят тщательным изучением каждой детали своего визита, чтобы обезопасить себя от нанесения так называемого «морального вреда». Хотя Хрущев был лидером коммунистов, якобы представлявших авангард пролетариата, представители советской стороны потребовали, чтобы его принимали с той же помпой и почетом, с какими принимают глав западных государств.

Хрущев разволновался, когда узнал, что решающие переговоры с Эйзенхауэром состоятся в месте под названием Кемп-Дэвид, о котором не знал ни один из его советников и которое звучало для него как ГУЛАГ, лагерь для интернированных. Он вспомнил, что в первые годы после революции советскую делегацию пригласили провести переговоры на острове Сивриада (один из девяти Принцевых островов), куда якобы свозили бездомных собак, где они доживали свой век. Считая, что «капиталисты никогда не упустят возможности привести в замешатель-

ство или оскорбить Советский Союз», он опасался, что, может, этот Кемп-Дэвид «место, куда приглашают людей, которые не внушают доверия. Вроде какого-то карантинного учреждения».

Хрущев успокоился и согласился на встречу в Кемп-Дэвиде только после того, как ему доложили, что приглашение в это место означает, что советская делегация удостоивается особой честью. Выяснилось, что это «загородная резиденция президента. Построил ее Франклин Рузвельт во время Второй мировой войны и выезжал туда, когда не мог далеко отлучиться от Вашингтона». Позже Хрущев признался, что ему было «не только смешно, но и немножко стыдно» за собственное невежество и невежество своих советников. Но более важно то, что все это говорило о смешанных чувствах недоверия и неуверенности, которые испытывал Хрущев, вступая в переговоры с Соединенными Штатами.

Не обращая внимания на предостережения своего пилота, Хрущев полетел через Атлантику на опытном образце Ту-114, который еще не прошел все необходимые испытания⁵.

Однако, несмотря на возможный риск, Хрущев настоял на этом средстве передвижения, поскольку Ту-114 был единственным советским самолетом, который мог без посадки прилететь из Москвы в Вашингтон. Итак, Хрущев поднялся на борт самолета, имевшего самую большую в мире пассажироместимость, дальность полета и скорость; одним словом, это был самый большой в мире скоростной межконтинентальный пассажирский самолет. Однако чтобы подстраховаться, расставили в океане, по всей трассе полета, через каждые 200 миль друг от друга советские суда, которые должны были служить для штурманов радиомаяками, а в случае аварийной посадки на воду два ближайших судна смогли бы подойти к месту аварии и подобрать людей.

Позже Хрущев вспоминал, что нервничал и испытывал волнение, глядя из окна, как самолет заходит на посадку, и думал про себя: «Мы, наконец, заставили Соединенные Штаты осознать необходимость установления с нами более тесных контактов... Теперь нас признают уже не только дипломатически, это давно пройденный этап, и не только при необходимости воюют вместе с нами против общего врага: президент США приглашает теперь с дружеским визитом главу правительства СССР».

В тот момент размышления о Берлине отошли на задний план. Хрущев наслаждался мыслью, что успехи советской экономики, вооруженные силы СССР и успехи всего социалистического лагеря побудили Эйзенхауэра устанавливать с Советским Союзом более теплые отношения. «Из разоренной, отсталой и неграмотной России мы превратились в Россию, поразившую мир своими успехами».

К облегчению и удовольствию Хрущева, Эйзенхауэр встречал его на военно-воздушной базе Эндрюс недалеко от Вашингтона. Встреча была торжественной, с артиллерийским салютом – прозвучал двадцать один залп. Позже Хрущев вспоминал, что испытывал чувство гордости: «Все это делалось очень торжественно и вселяло в нас еще больше гордости: вот мы побудили США выстроить почетный воинский караул и исполнить советский гимн!» Соединенные Штаты Америки, самая крупная капиталистическая держава в мире, оказывают почести представителю социалистической страны, к которой раньше они относились с презрением.

Скорее в результате улучшившегося настроения, а не благодаря продуманной стратегии по берлинскому вопросу Хрущев сказал президенту Эйзенхауэру во время первой встречи 15 сентября, что хотел бы «достигнуть соглашения по Германии и, следовательно, по Берлину».

⁵ В середине 1957 года, через два года после начала работ над самолетом, завершилась постройка первого опытного экземпляра Ту-114, получившего впоследствии название «Россия», а 15 ноября 1957 года экипаж во главе с ведущим летчиком-испытателем А.П. Якимовым совершил на нем первый полет. Несмотря на преемственность конструкции и прямое использование агрегатов Ту-95, испытания Ту-114 прошли далеко не гладко. Причем наибольшие проблемы вызвали именно те элементы, которые считались отработанными: шасси и силовая установка. В результате заводские испытания самолета закончились с опозданием почти на два года, вместо первоначально запланированного срока, – в октябре 1959 года, а государственные – только в июле 1960 года. Причем по их итогам самолет получил 428 замечаний, для устранения которых пришлось провести соответствующие доработки и новые испытательные полеты, продлившиеся до июля 1961 года.

Не останавливаясь на деталях, Хрущев сказал, что «мы не собираемся действовать в одностороннем порядке». Эйзенхауэр, в свою очередь, назвал ситуацию с Берлином «ненормальной», и советский лидер исходя из тона разговора сделал вывод, что к концу поездки удастся договориться по берлинскому вопросу.

Эта поездка от берега до берега была отмечена резкими взлетами и падениями, иллюстрирующими сложные эмоциональные отношения Хрущева с Соединенными Штатами; он был одновременно нетерпеливым просителем, ищущим одобрения со стороны величайшей в мире державы, и опасным противником, не оставляющим без внимания ни одно оскорбление, ни одну обиду.

Хрущев и его жена, Нина Петровна, сидели между Бобом Хоупом и Фрэнком Синатрой на завтраке, устроенном в честь советской делегации студией «Двадцатый век – Фокс», на котором Мэрилин Монро была в своем «самом облегающем, самом сексуальном платье», но советский лидер вел себя как избалованный ребенок, которого не пустили в Диснейленд. Хрущев усмотрел заговор в том, что в качестве сопровождающего по Лос-Анджелесу был выбран киномагнат Виктор Картер⁶.

В том, что в Лос-Анджелесе все пошло не так, Хрущев обвинил этого эмигранта, семья которого сбежала из Ростова-на-Дону.

Поездка чуть не закончилась в первый день пребывания в Калифорнии, когда Хрущев нанес удар консервативному мэру Лос-Анджелеса Норрису Поулсону во время ответной речи на вечернем банкете в присутствии голливудских звезд. Стремясь заработать политические баллы, мэр отказался прислушаться к просьбе Генри Кэбота Лоджа, американского посла в ООН, который сопровождал Хрущева в поездке по Америке в качестве представителя президента, воздержаться от антикоммунистических высказываний, которые советский лидер может счесть оскорбительными. «Если сюда мы летели около двенадцати часов, то отсюда долетим, наверное, часов за десять», – сказал Хрущев, попросив подготовить самолет к отлету.

Решающая встреча состоялась в Кемп-Дэвиде. Хрущев и Эйзенхауэр в течение двух дней вели разговоры обо всем, от угрозы ядерной войны (Хрущев заявил, что не боится этих угроз) до вопросов, связанных с продажей американских технологий и оборудования (Хрущев, язвительно усмехнувшись, ответил, что не нуждается в старых американских технологиях для производства обуви и колбасы). Эйзенхауэр предотвратил срыв переговоров, предложив гостям отправиться на его ферму, находящуюся в Геттисберге, куда они полетели на вертолете. Президент подарил Хрущеву породистую телку, а Хрущев, в свою очередь, пригласил Эйзенхауэра и его внуков посетить Советский Союз.

На следующий день Хрущев согласился отодвинуть сроки берлинского ультиматума в обмен на согласие Эйзенхауэра начать переговоры о статусе Берлина с целью достижения решения, которое устроит все стороны.

С необычной искренностью Хрущев поделился с Эйзенхауэром, что он выдвинул берлинский ультиматум «из-за высокомерного отношения США к СССР, которые заставляли думать, что нет альтернативы». Он сказал, что стремится достигнуть с США соглашения по вопросу разоружения, поскольку довольно трудно накормить его страну, когда приходится тратить огромные средства на гонку вооружений. Затем они обменялись мнениями о том, как военные обеих стран настаивают на увеличении расходов на вооружение, объясняя это агрессивной позицией другого государства.

⁶ «Специальный помощник мэра, который сопровождал Никиту Сергеевича в городе, Виктор Картер, уполномоченный городского управления по пожарной охране, тоже не очень-то стремился сделать пребывание советских гостей в Лос-Анджелесе приятным и полезным. Объяснение этому искать недолго. Он дал его сам в разговоре с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Оказалось, что Виктор Картер – сын купца второй гильдии из Нахичевани Ростовской области. Отец его в 1921 году еле унес ноги от Красной армии. «Было трудно надеяться, чтобы этот господин организовал мне хорошую встречу, – смеялся Никита Сергеевич. – Ведь именно в то время я был с Красной армией в Ростове-на-Дону». (А. Аджубей. Лицом к лицу с Америкой.)

Переговоры могли сорваться еще раз, когда Хрущев потребовал, чтобы из совместного советско-американского коммюнике американская сторона убрала фразу о том, что переговоры по берлинскому вопросу «не должны затягиваться на неопределенное время, но что для них не может быть никакого установленного ограничения времени». После длительной дискуссии американская сторона согласилась с требованием советской стороны, но Эйзенхауэр в заявлении на пресс-конференции для журналистов, состоявшейся 28 сентября, рассказал о своем понимании этой проблемы. Хрущеву ничего не оставалось, как подтвердить отказ от ультиматума.

Эйзенхауэр дал согласие на то, чего больше всего хотел Хрущев: согласился на проведение в Париже встречи глав четырех держав по вопросу о Берлине и по проблемам разоружения. Для Хрущева эта договоренность давала защиту от нападков критиков, утверждавших, что его политика «мирного сосуществования» с Западом не дает никаких результатов, и служила неопровержимым доказательством, что его курс способствовал улучшению международного положения Советского Союза.

Хрущев, чрезвычайно довольный результатами поездки в Соединенные Штаты и перспективой встречи на высшем уровне, в декабре в одностороннем порядке сократил вооруженные силы на 1,2 миллиона человек. Однако после обмена мнениями с Шарлем де Голлем и Конрадом Аденауэром Эйзенхауэр вернулся на прежнюю позицию относительно переговоров о статусе Берлина.

Свердловск, Советский Союз Воскресенье, 1 мая 1960 года

Спустя всего восемь месяцев после визита в Америку Хрущев заявил, что «дух Кемп-Дэвида» погиб на Урале над Свердловском, когда советская ракета класса «земля – воздух» сбила американский самолет-разведчик.

Вначале Хрущев рассматривал этот случай как успех советского ракетостроения. Всего тремя неделями раньше советские средства ПВО не смогли сбить современный высотный самолет ЦРУ, причем было точно известно, куда он летит. Еще раньше советский истребитель МиГ-19 безуспешно пытался перехватить самолет-разведчик у Семипалатинского ядерного полигона. Неудача постигла и два советских истребителя-перехватчика Су-9, которые не смогли перехватить самолет-разведчик U-2, который фотографировал Тюратам, полигон для испытания баллистических ракет.

Расстроенный этими неудачами, Хрущев скрывал от мира вторжения американских самолетов, не желая признаваться в неудачах советских военных. Теперь, когда его ракеты сбили U-2, он забавлялся, ничего не сообщая американцам об инциденте, в то время как ЦРУ выступило с заявлением, – позже оно было вынуждено отказаться от этой версии, – что самолет, который вел метеонаблюдения, пропал без вести над Турцией.

Однако спустя несколько дней Хрущев признался, что история с U-2 представляла большую угрозу для него, чем для американцев. Политические противники, которых он нейтрализовал после ликвидации заговора 1957 года, начали перегруппировываться. Мао Цзэдун публично осудил отношения Хрущева с американцами, рассматривая их как «предательство социализма». Советское военное командование и партийное руководство, пока еще в частных беседах, высказывало недовольство решением Хрущева сократить численность вооруженных сил. Они утверждали, что Хрущев подрывает обороноспособность страны, лишает их возможности защищать родину.

Спустя несколько лет Хрущев признается доктору А. Макги Харви, специалисту, который лечил его дочь, что случай с U-2 явился переломным моментом, после которого он уже не имел всей полноты власти. С этого момента ему было все труднее отражать атаки тех, что

утверждали, что он слишком слаб, чтобы противостоять милитаристским устремлениям двуличных американцев.

Сначала Хрущев пытался придерживаться курса на парижскую встречу на высшем уровне, которая планировалась на середину мая, спустя две недели после случая с американским U-2, – встречу, на организацию которой он потратил так много сил. Хрущев объяснял местным критикам, что если они откажутся от участия в саммите, то это будет только на руку американским противникам соглашений типа шефа ЦРУ Аллена Даллеса, который отдавал приказы вторгаться в советское воздушное пространство, чтобы свести на нет предпринимаемые Эйзенхауэром усилия по поддержанию мира.

11 мая, всего за пять дней до саммита, Эйзенхауэр лишил Хрущева последних иллюзий. Он заявил, что отдавал приказы о сборе любыми возможными способами информации, необходимой для защиты Соединенных Штатов и свободного мира от внезапного нападения и для того, чтобы дать им возможность провести эффективные приготовления к обороне, и лично одобрил полет Гэри Пауэрса. Он заявил, что эти мероприятия необходимы, так как в «Советском Союзе секретность и тайны стали фетишем». «Мы подходим к тому моменту, когда должны решить, пытаемся ли мы готовиться к ведению войны или к предотвращению войны», – сказал Эйзенхауэр на заседании Национального совета безопасности.

Когда самолет с советской делегацией приземлился в Париже, Хрущев принял решение, что если не удастся получить официального извинения от Эйзенхауэра, то ему придется сорвать переговоры. С политической точки зрения ему было выгодно сорвать переговоры, поскольку к тому времени стало ясно, что США не пойдут ни на одну уступку в вопросе о Берлине.

Эйзенхауэр, хотя и отказался принести извинения за инцидент с U-2, предпринял попытку не допустить срыва переговоров, отдав распоряжение прекратить полеты U-2 над Советским Союзом. Эйзенхауэр сделал важный шаг, выдвинув идею «открытого неба», но Хрущев не принял это предложение, поскольку не мог позволить американцам проникнуть в тайны программ его вооружения, тщательно охраняемые в условиях состязания в военном могуществе двух сверхдержав.

На первом и единственном заседании Хрущев, используя в своей сорокапятиминутной речи ненормативную лексику, предложил перенести совещание глав правительств примерно на шесть – восемь месяцев, когда истечет срок пребывания Эйзенхауэра у власти, и объявил, что советское правительство «решило отложить поездку президента США в Советский Союз и договориться о сроках этого визита, когда для этого созреют условия». Не предупредив заранее лидеров держав, Хрущев отказался на следующий день присутствовать на заседании. Вместо этого Хрущев и министр обороны Родион Малиновский отправились в деревню Плер-сюр-Марн, где во время Второй мировой войны стояла часть Малиновского. В деревне им был оказан радушный прием; они пили вино, ели сыр и вели разговоры о женщинах. По возвращении в Париж изрядно выпивший советский лидер объявил о срыве саммита.

Кульминационный момент во время его почти трехчасовой прощальной пресс-конференции: Хрущев так сильно ударил по столу, что упала бутылка с минеральной водой. Когда следом в зале раздалось недружественное гудение, выкрики с места, Хрущев сказал: «Хочу сразу ответить тем, кто здесь «укает». Меня информировали, что подручные канцлера Аденауэра прислали сюда своих агентов из числа фашистов, не добытых нами под Сталинградом. Они тоже шли в Советский Союз с «уканьем». А мы так им «укнули», что сразу на три метра в землю вогнали. Так что вы «укайте», да оглядывайтесь».

Хрущев был настолько расстроен, что, общаясь в Париже с послами стран Варшавского договора, рассказал применительно к результатам саммита грубый анекдот. Один солдат в царской армии умел настолько хорошо пукать, что мог даже напукивать гимн «Боже, цари храни». Но когда государь, узнавший об этом, вызвал солдата и приказал пропукать гимн, солдат не

смог выполнить приказ, поскольку, по его словам, «взял на ноту выше и наложил в штаны». Хрущев не стеснялся в выражениях, надеясь, что послы сообщат своим правительствам, что подобная история произошла в Париже с Эйзенхауэром.

Польский посол во Франции Станислав Гаевский пришел к выводу, что на заседании советский лидер вел себя «слегка неуравновешенно». Хрущеву, по его словам, не стоило приезжать в Париж.

Однако Хрущев слишком многое поставил на карту, чтобы отказаться от курса «мирного сосуществования» с Соединенными Штатами. Да, он разочаровался в Эйзенхауэре, но не в Америке. U-2 сорвал организованный им саммит, но Хрущев не мог позволить, чтобы он подорвал его авторитет.

На обратном пути в Москву Хрущев остановился в Восточном Берлине, где сменил мрачное выражение лица, с каким покидал Париж, на улыбку миротворца. Первоначально предполагалось, что он выступит перед сотысячной толпой на площади Маркса и Энгельса, но после разгрома в Париже восточногерманские лидеры организовали митинг в закрытом помещении, во Дворце спорта имени Вернера Зееленбиндера, на котором присутствовали шесть тысяч коммунистов.

К удивлению американских дипломатов, ожидавших, что Хрущев обострит конфликт, советский лидер, оказалось, был готов потерпеть, пока американцы будут выбирать нового президента. В этой ситуации, по его словам, не стоило спешить; требуется время, чтобы «созрело решение по Берлину».

И Хрущев начал подготовку к новой поездке в Соединенные Штаты.

На борту «Балтики» Понедельник, 19 сентября 1960 года

Встреча Хрущева на полуразрушенном причале в старой части Нью-Йорка продемонстрировала огромные изменения, которые произошли за год, с того времени, когда президент Эйзенхауэр устроил советскому лидеру торжественную встречу на военно-воздушной базе Эндрюс. На этот раз Хрущев отправился в Америку на борту «Балтики», немецкого судна, построенного в 1940 году и полученного Советским Союзом в качестве возмещения нанесенного войной ущерба.

Хрущев, желая продемонстрировать солидарность коммунистов, взял на борт в качестве пассажиров лидеров Венгрии, Румынии, Болгарии, Украины и Белоруссии. Во время путешествия его отличали резкие перепады настроения. В какой-то момент, охваченный страхом, что НАТО может потопить его беззащитное судно, он впал в депрессию; а однажды, развеселившись, настоял, чтобы Николай Подгорный, первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, развлек попутчиков и станцевал гопак, национальный украинский танец, который танцуют вприсядку с попеременным выбрасыванием ног.

Когда один из советских моряков сбежал на Запад, а затем попросил политического убежища, Хрущев, пожав плечами, сказал: «Он довольно скоро испытает на себе, что такое Нью-Йорк». Хрущеву пришлось испытать еще одно унижение. Докеры из Международного союза береговых и портовых рабочих, отказавшиеся обслуживать советское судно, размахивали огромными плакатами с антисоветскими надписями. Самой запоминающейся была надпись: «Розы – красные, фиалки – синие, Сталин – сдох, а как ты?»

Хрущев пришел в ярость. Он мечтал, что прибудет в Америку как первые открыватели, о которых он читал в детстве. Вместо этого швартоваться пришлось самим, без помощи докеров, объявивших бойкот, и встречала его горстка советских дипломатов на полуразрушенном причале № 73 на Ист-Ривер. «Американцы сыграли с нами еще одну злую шутку», – пожаловался Хрущев.

Единственным спасением было то, что Хрущев контролировал свою прессу. Корреспондент «Правды» Геннадий Васильев рассказал о радостно приветствовавшей толпе людей (не было ни одного человека), выстроившихся на берегу в яркое, солнечное утро (шел дождь).

Но ничто не могло умерить пыл советского лидера. Он предлагает заменить Генерального секретаря ООН (несколькими днями ранее в авиакатастрофе в Северной Родезии погиб Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд) триумvirатом в следующем составе: один представитель от западных держав, один от социалистических и один от неприсоединившихся государств, но его предложение не находит поддержки. Он предлагает перенести штаб-квартиру ООН в какую-нибудь европейскую страну, например в Швейцарию. В последний день пребывания он совершил поступок, который станет главным воспоминанием о его визите: в знак протеста против выступления филиппинского делегата, когда тот заявил, что Советский Союз должен освободить свои колонии и зависимые страны, Хрущев снял ботинок и стал стучать им по трибуне.

26 сентября, всего за неделю пребывания Хрущева в Америке, «Нью-Йорк таймс» сообщила, что согласно проведенному исследованию советский лидер занял основное место в кампании по выборам президента и американские избиратели озабочены его влиянием на внешнюю политику. Американцы оценивали, кто из кандидатов в президенты, Ричард Никсон или сенатор Джон Ф. Кеннеди, сможет лучше противостоять Хрущеву.

Хрущев был настроен более разумно использовать имеющиеся в его распоряжении связи, чем в 1956 году, когда добрые слова, сказанные советским премьер-министром Николаем Булганиным в адрес Эдлая Стивенсона, помогли вытащить выигрышный билет Эйзенхауэру – Никсону. На людях Хрущев говорил, что оба кандидата «представляют крупный капитал... и, как говорят русские, два сапога пара: какой лучше, левый или правый?». На вопрос, кому он отдает предпочтение, Хрущев неизменно отвечал: «Рузвельту».

Но в кулуарах он делал все возможное, чтобы Никсон проиграл на выборах. В январе 1960 года советский посол в Соединенных Штатах Михаил Меньшиков, за водкой и икрой, спросил Эдлая Стивенсона, как Москва могла бы наиболее эффективно помочь ему одержать победу над Никсоном. Надо, чтобы советская пресса расхваливала Никсона или критиковала его – и за что? Стивенсон ответил, что не собирается выставлять свою кандидатуру, и попросил нигде не озвучивать эту информацию.

Однако обе партии признавали возможность Хрущева случайно или намеренно оказывать влияние на избирателей.

Республиканец Генри Кэбот Лодж-младший, который тесно общался с Хрущевым во время его первого визита в Соединенные Штаты, в феврале 1960 года прилетел в Москву, чтобы убедить советского лидера в том, что он сможет работать с Никсоном. Лодж, который в случае избрания Никсона стал бы вице-президентом, сказал Хрущеву: «Как только мистер Никсон окажется в Белом доме, я уверен, я абсолютно уверен, он займет позицию сохранения и даже, возможно, улучшения наших отношений». Он попросил Хрущева сохранять нейтралитет, понимая, что любая поддержка будет стоить Никсону голосов.

Осенью участились обращения правительства Эйзенхауэра к Хрущеву с просьбой освободить Гэри Пауэрса и двух летчиков с американского самолета-разведчика RB-47, сбитого над Баренцевым морем. Позже Хрущев вспоминал, что его отказ был связан с тем, что до выборов оставалось уже слишком мало времени и любой шаг мог сказаться на результатах. «Как оказалось, мы поступили правильно», – позже скажет Хрущев. Советский лидер, учитывая, что Кеннеди победил с небольшим преимуществом, сказал: «Легкий толчок так или иначе был бы решающим».

В свою очередь демократы тоже старались повлиять на Хрущева. Уильям Аверелл Гарриман, бывший послом президента Рузвельта в Москве, передал через посла Меньшикова, чтобы Хрущев занял жесткую позицию по отношению к обоим кандидатам. Самый верный способ

помочь Никсону одержать победу, сказал он, похвалить Кеннеди. Назначение времени Генеральной ассамблеи ООН, менее чем за месяц до выборов, и то, что Хрущев был в это время в Соединенных Штатах, показало, что демократы признают влияние Хрущева на результаты выборов.

«Мы думали, что у нас появится больше возможностей для улучшения советско-американских отношений, если в Белом доме будет Джон Кеннеди», – откровенно говорил Хрущев. Он объяснял товарищам, что антикоммунизм Никсона и его связь с «князем тьмы Маккарти [сенатор Джозеф Маккарти], которому он обязан своей карьерой» – все это подразумевает, что «у нас не было причины приветствовать возможность Никсона стать президентом».

Хотя в ходе избирательной кампании высказывания Кеннеди были антикоммунистическими, направленными против Москвы, КГБ связывало это скорее с политической целесообразностью и влиянием его отца, антикоммуниста, чем с взглядами самого Кеннеди⁷.

Хрущев приветствовал призывы Кеннеди к переговорам о запрещении испытаний ядерного оружия и его заявление, что он, если станет президентом, принесет извинение за вторжение U-2. Кроме того, Хрущев считал, что может перехитрить Кеннеди, человека, которого советское Министерство иностранных дел характеризовало как «едва ли обладающего качествами выдающейся личности». В Кремле считали этого молодого человека поверхностным, не имеющим достаточного опыта, необходимого для руководства страной.

Кандидаты продолжали уделять внимание Хрущеву, поскольку он следил за их кампанией из своих апартаментов в советской миссии на Парк-авеню, иногда появляясь на балконе особняка, построенного на рубеже веков для банкира Перси Пайна. 26 сентября в телевизионной студии в Чикаго во время дебатов между Кеннеди и Никсоном – первые президентские дебаты в прямом эфире – Кеннеди, выступая перед шестидесятимиллионной зрительской аудиторией, откровенно высказался относительно пребывания Хрущева в Нью-Йорке и о том, что «наша борьба с мистером Хрущевым на выживание».

Хотя во время дебатов должны были обсуждаться вопросы внутренней политики, Кеннеди выразил обеспокоенность тем, что в Советском Союзе выпускается в два раза больше ученых и инженеров, чем в США, в то время как в США стали обычным явлением переполненные школы и плохо оплачиваемые учителя. Кеннеди заявил, что добьется больших успехов, чем Никсон, в том, чтобы Америка опережала Советский Союз в сфере образования, здравоохранения и жилищного строительства.

Во время вторых дебатов, проходивших 7 октября в Вашингтоне, округ Колумбия, кандидаты сосредоточили внимание на Хрущеве и Берлине. Кеннеди уверенно заявил, что новый президент «в первый год столкнется с серьезнейшим вопросом относительно нашей защиты Берлина, наших обязательств перед Берлином. Это будет проверкой наших нервов и воли». Он сказал, что президент Эйзенхауэр допустил ослабление американской армии и что он, если будет избран, попросит конгресс поддержать его предложение наращивать американскую военную мощь, поскольку весной «мы столкнемся с самым серьезным Берлинским кризисом после 1949 года».

Во время предвыборной кампании Эдлай Стивенсон посоветовал Кеннеди избегать обсуждения Берлина в целом, поскольку будет «трудно сказать что-то конструктивное о разделенном городе, не поставив под угрозу будущие переговоры». Таким образом, Кеннеди только в половине выступлений говорил о Берлине. Однако перед телевизионной аудиторией нельзя было избежать разговора на эту тему, особенно после того, как Хрущев заявил корреспонденту

⁷ В ходе избирательной кампании Кеннеди резко критиковал своих политических противников не за отсутствие реализма, но за наметившееся, по его словам, отступление перед лицом исторического врага. Впрочем, антикоммунистическая риторика в США всегда считалась правилом хорошего тона для политика. (Золов А.В. США: борьба за мировое лидерство.)

там, что хочет, чтобы США приняли участие в саммите по вопросу о будущем Берлина вскоре после выборов.

13 октября во время третьих дебатов Фрэнк Макги с канала Эй-би-си задал вопрос обоим кандидатам, готовы ли они начать военные действия, чтобы защитить Берлин. Кеннеди выразился достаточно ясно: «Мистер Макги, у нас есть договорное право находиться в Берлине, вытекающее из переговоров в Потсдаме и Второй мировой войны, подкрепленное обязательствами президента Соединенных Штатов и рядом других стран НАТО... Мы должны выполнять это обязательство, если хотим обеспечить безопасность Западной Европы, и потому я думаю, что этот вопрос не вызывает сомнений ни у одного американца. Я надеюсь, нет сомнений и ни у одного жителя Западного Берлина. Я уверен, что он не вызывает сомнений ни у одного русского. Мы выполним обязательства по сохранению свободы и независимости Западного Берлина».

Несмотря на явную убедительность речей Кеннеди, Хрущев чувствовал, что возможен компромисс. Кеннеди говорил о договорных правах, но не о моральной ответственности. Он не высказывал обычного требования республиканцев освободить поработанные народы. Он даже не предлагал распространять свободу на Восточный Берлин. Он говорил о *Западном Берлине*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.